

Шепчущий череп

Автор:

[Джонатан Страуд](#)

Шепчущий череп

Джонатан Страуд

Агентство «Локвуд и компания» #2

Меня зовут Люси Карлайл, и я работаю в агентстве «Локвуд и компания». Нас всего трое: я, Энтони (он же Локвуд) и Джордж. Мы занимаемся тем, что ловим призраков и спасаем от них Лондон. Вообще-то это только звучит просто, на самом деле все гораздо сложнее. Существует великое множество призраков и их разновидностей, и большинство из них смертельно опасны, и даже наше супероружие: рапиры, железные цепи и банки с греческим огнем – не всегда эффективно. Впрочем, в нашем агентстве трусов нет.

Кажется, наши задания раз от раза становятся сложнее. В одной из могил, которую нам пришлось вскрыть, было обнаружено древнее костяное зеркало, обладающее чудовищной силой. Все, кто когда-либо в него смотрел, умирали в страшных мучениях. Поговаривают, что его создал свихнувшийся некромант из самых настоящих человеческих костей. Бр-р-р! Лучше даже не думать об этом. Теперь мне, Локвуду и Джорджу предстоит не только разобраться с этой смертельной загадкой, но и устоять перед искушением самим заглянуть в страшное зеркало, которое, кажется, обладает собственной волей... Короче говоря, очередное дело для чокнутых агентов!

Джонатан Страуд

Шепчущий череп

Lockwood & CO.: The whispering skull: Book 2

Text copyright © Jonathan Stroud, 2014

Jacket illustration © 2014 by Michael Heath

This edition is published by arrangement with Laura Cecil and The Van Lear Agency LLC

© Мольков К.И., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Часть I

Уимблдонские Рейзы

1

- Не смотри, - сказал Локвуд. - Их уже двое.

Я все же украдкой обернулась и увидела, что он прав. Неподалеку, на другом краю поляны, из-под земли поднимался второй призрак. Как и первый, он был похож на бледное, имеющее очертания мужской фигуры облачко тумана, повисшее над потемневшей от вечерней росы травой. Голова второго призрака тоже странным образом склонилась набок, словно висела на сломанной шее.

Появление второго призрака скорее раздражало меня, чем пугало. После того как я двенадцать месяцев проработала младшим оперативником в агентстве «Локвуд и Компания», напугать меня призраком было довольно сложно - за это

время я успела повидать самых разных Гостей, в том числе самого утрашающего вида и размера. Сломанной шеей меня тоже давно уже не удивишь.

- О, отлично, - сказала я. - А откуда выскочил этот приятель?

Затрещала застежка-липучка - это Локвуд вытащил свою пристегнутую к поясу рапиру.

- Не имеет значения. Я присмотрю за ним. Ты продолжай следить за своим.

Я повернулась, чтобы занять исходную позицию. Первый призрак по-прежнему парил над травой примерно в трех метрах от края разложенной кольцом железной цепи. Этот призрак появился перед нами почти пять минут назад, и за это время его черты становились все более четкими, обрастали мелкими деталями. Я видела кости на руках и ногах призрака и соединительные хрящи между этими костями, соткавшуюся из полос тумана одежду - драную свободную белую рубаху и темные прогнившие бриджи.

От призрака накатывали волны холода. Хотя ночь была теплой, летней, в том месте, где над травой парили босые ноги призрака, роса замерзла и превратилась в искристые блестки инея.

- В принципе, это логично, - бросил мне через плечо Локвуд. - Там, где повесили, а затем закопали у перекрестка дорог одного преступника, вполне могли повесить и закопать еще одного, верно? Мы должны были это предвидеть.

- Да, но почему тогда не предвидели? - сказала я.

- Об этом лучше Джорджа спроси.

Я почувствовала, что мои пальцы стали скользкими от пота, и сильнее сжала в ладони рукоять своей рапиры.

- Джордж! - позвала я.

- Что?

- Почему мы не знали, что их здесь будет двое?

В ответ раздался мокрый хруст врезающейся в глину лопаты. Затем прямо на мои ботинки вывалился огромный ком грязи, а откуда-то из подземных глубин раздался недовольный голос:

- Я знаю только то, что записано в исторических хрониках, Люси. А там написано, что на этом месте казнили и похоронили одного преступника. Кто этот второй приятель, я понятия не имею. Эй, кто еще хочет поработать лопатой?

- Не я, - ответил Локвуд. - Куда мне, слабаку, тягаться в этом с тобой, Джордж? Нет, работать лопатой - это по твоей части, старина. Кстати, как там продвигаются твои раскопки?

- Как, как... Я устал, извалялся в грязи, как боров, и нашел только ноль без палочки. А помимо этого, все, можно сказать, хорошо.

- Костей не нашел?

- Нет. Даже какой-нибудь завалящей коленной чашечки.

- Продолжай. Источник должен быть здесь. Только теперь мы ищем останки не одного трупа, а двух.

Источником, как вам, наверное, уже известно, называют предмет, к которому привязан призрак. Найдите Источник, и вы очень скоро возьмете явление призрака под свой полный контроль. Проблема только в том, что не всегда так просто найти его, этот Источник.

Негромко ворча что-то себе под нос, Джордж вновь принялся за работу. В неярком свете ламп, которые мы расставили вокруг ямы, Джордж был похож на огромного, снявшего очки крота. Он углубился в землю уже почти по грудь и заполнил выкопанной землей почти все пространство внутри выложенного из железных цепей круга. Большой, покрытый мхом, квадратный камень, которым, как мы считали, было помечено место захоронения, давно был вывернут из земли и откачен в сторону.

- Локвуд, - сказала я, - мой приближается.

- Без паники. Просто аккуратно отгоняй его. Делай самые простые выпады - представь, что перед тобой наш Болтающийся Джо. Дай своему приятелю почувствовать железо, и он не сунется.

- Ты уверен?

- Разумеется. Волноваться совершенно не о чем.

Ему легко говорить. Одно дело, когда ты упражняешься с рапирой солнечным полднем в домашнем фехтовальном зале и твой противник - соломенное чучело по имени Джо. Но все выглядит совершенно иначе, когда тебе предстоит удерживать на безопасном расстоянии настоящего призрака, причем посреди ночи, да еще на поляне какого-то чертового леса. Я неуверенно взмахнула своей рапирой. Призрак плевать хотел на мои угрозы и продолжал медленно, но верно приближаться.

Теперь я могла рассмотреть Гостя во всех деталях. Его голый череп со всех сторон был облеплен длинными темными волосами. В левой глазнице виднелось что-то похожее на остатки глаза, правая была пустой.

К скулам прилипли лоскутки прогнившей кожи, нижняя челюсть отвисла и под странным углом перекосилась над воротником. Тело призрака выглядело жестким, негнущимся, его руки были словно привязаны к бокам. Он был окружен бледной дымкой - ореолом потустороннего света. При этом вся фигура призрака - целиком - постоянно покачивалась, словно все еще болталась на виселице под ветром и дождем.

- Мой приближается к барьеру, - предупредила я.

- Мой тоже.

- Зрелище действительно жуткое.

- Да, а у моего еще к тому же кисти обеих рук отрублены, представляешь? - легко и непринужденно ответил Локвуд.

Ничего нового для меня в этом не было. Он всегда держится непринужденно. Или почти всегда. Несколько раз я видела Локвуда и взволнованным, и даже в смятении – например, когда мы вскрыли могилу миссис Баррет. Впрочем, больше всего Локвуд переживал тогда из-за своего порванного когтями новенького пальто. Я улучила время, чтобы мельком взглянуть на Локвуда сейчас – он стоял с рапирой наготове, высокий, стройный, как всегда, внешне бесстрастный, и спокойно наблюдал за приближением второго Гостя. Неяркий свет зажженных ламп падал на тонкое бледное лицо Локвуда, подчеркивая его элегантный профиль и красиво упавшую на лоб пышную прядь волос. На губах его играла та самая едва заметная улыбка, которую он приберегает для особо опасных ситуаций, темные полы пальто развевались на ночном ветру словно рыцарский плащ. Как обычно, одного взгляда на Локвуда хватило для того, чтобы ко мне вернулась уверенность в своих силах. Я сильнее сжала рукоять рапиры и снова переключила внимание на своего Гостя.

За то время, пока я отвлеклась, чтобы взглянуть на Локвуда, мой призрак приблизился к цепям почти вплотную. По воздуху он перемещался плавно, очень быстро и, разумеется, совершенно беззвучно.

Я подняла лезвие рапиры вверх.

Призрак открыл рот, глазницы его черепа полыхнули зеленоватым огнем. Затем он с пугающей скоростью ринулся вперед – я взвизгнула и отпрянула назад. Призрак натолкнулся на железный барьер буквально в нескольких сантиметрах от моего лица. Раздался сильный треск, сверкнула вспышка эктоплазмы. С внешней стороны круга на мокрую траву полетели, зашипев в ней, горящие искры. Бледная призрачная фигура в мгновение ока оказалась метрах в трех от железного круга и висела, по-прежнему покачиваясь всем телом. От фигуры Гостя поднимались струйки пара.

– Полегче, Люси, – сказал Джордж. – Ты же мне на голову наступила.

– Что случилось? – громко и обеспокоенно спросил Локвуд. – Что здесь только что произошло?

– Ничего страшного, все в порядке, – ответила я. – Он напал, но железо его отбросило. В следующий раз использую вспышку.

– Не стоит. Пока что за глаза хватит рапир и цепей. Джордж, ты не хочешь нас чем-нибудь порадовать? Ты уже наверняка должен был найти хоть что-нибудь.

Вместо ответа из-под земли вылетела лопата, а вслед за ней, словно мертвец из могилы, поднялся с ног до головы облепленный грязью Джордж.

– Ничем я вас не порадуя, – сказал он. – Это не то место. Комай не комай – ничего здесь не найдешь. Где-то мы ошиблись.

– Нет, – ответила я, – не могли ошибиться. Это точно то самое место. Именно здесь я и слышала голос.

– Прости, Люси, жаль тебя огорчать, но никаких покойников на этом самом месте нет.

– И чья же это ошибка в таком случае? Разве не ты утверждал, что Источник должен быть здесь?

Джордж с трудом отыскал более или менее чистое место на своей футболке и протер им стекла очков. Надев очки, вскользь взглянул на «моего» Гостя и сказал:

– А, твоя Гостья – Луркер. Ясненько. А что у нее с глазом?

– Это не она, а он, – поправила я. – Тебя сбили с толку длинные волосы? Так в то время все мужчины так ходили, это любому пятикласснику известно. И не пытайся увести разговор в сторону. Это твои поиски привели нас сюда, так или нет?

– Мои поиски и твой Дар, – резко ответил он. – Призрачный голос слышал не я, а ты. Так что заткнись, и давайте лучше подумаем, что нам делать дальше.

Ну ладно, может, я действительно зря так наехала на Джорджа, но, согласитесь сами, трудно не психануть, когда тебе прямо в лицо прыгают сгнившие трупы. Ну и претензии мои к Джорджу, справедливости ради стоит отметить, были не беспочвенными. Именно Джордж, а не кто-нибудь другой обещал, что мы найдем на этом месте кости или что там еще осталось от некоего Джона Мэллори,

убийцы и овцекрада, повешенного, к радости всех собравшихся на Гусиной ярмарке в Уимблдоне в 1744 году. Об этой казни даже была издана дешевая лубочная книжица. В ней красочно описывалось, как Мэллори привезли на открытой телеге к перекрестку дорог возле Эрлсфилда и вздернули на высокой виселице. После этого труп Мэллори оставили, как изящно выразился неизвестный автор книжицы, «на усмотрение ворон и прочих птиц, пропитанием коим служит мертвая плоть», а то, что осталось после птиц, какое-то время спустя сняли с веревки и закопали тут же, рядом с виселицей. Вся эта история, которую нарыл в архиве Джордж, отлично накладывалась на недавнее появление призрака, замеченного бдительными нянями, гулявшими со своими малышами на местной детской площадке. Правда, к детской площадке призрак не приближался, предпочитал держаться возле роши.

Узнав о том, что эта роша осталась от некогда большого леса, известного как Мэллори-Энд, мы поняли, что находимся на верном пути. Теперь, как нам казалось, нужно было лишь выяснить точное место, где закопали труп Мэллори.

Атмосфера этой ночью в лесу была какой-то на редкость неприятной. Деревья – в основном дубы и березы – тревожно шумели листьями на ветру, их стволы как чешуей покрылись серо-зеленым мхом, очертания деревьев тоже выглядели странно – уродливые, перекошенные какие-то. Каждый из нас включил свой собственный Дар – так принято называть способность воспринимать на сверхъестественном уровне различные феномены, связанные с появлением призрака. Я, например, обладаю Слухом, поэтому, оказавшись на месте, услышала странный шепот, а затем треск ломающейся древесины. Это заставило меня подскочить на месте, в то время как ни Локвуд, ни Джордж ровным счетом ничего не услышали. Обладавший самым лучшим среди нас Зрением, Локвуд сказал, что заметил краешком глаза силуэт стоящего среди деревьев человека, но когда повернул голову, чтобы лучше рассмотреть его, силуэт исчез.

Посреди леса мы нашли небольшую открытую лужайку. Деревьев здесь не было, а шепчущий звук слышался довольно громко. Я проследила за тем, как меняется громкость шепота в разных местах лужайки, и это прямоком привело меня к заросшему мхом, наполовину ушедшему в почву камню в самом ее центре. Джордж определил, что над камнем находится самая холодная точка лужайки, а то, что сам камень густо покрыт паутиной, было видно всем. Когда мы собрались вокруг этого камня, всех нас охватила тревога и беспричинный страх, я же, кроме того, пару раз услышала бормочущий где-то рядом со мной потусторонний призрачный голос.

Все сходилось. Мы дружно решили, что замшелым камнем отмечено место захоронения Мэллори, а решив так, выложили из цепей большой круг, и Джордж принялся раскапывать предполагаемую могилу знаменитого убийцы и конокрада. Честно говоря, мы все рассчитывали покончить с этим делом за какие-нибудь полчаса.

Спустя два часа ситуация несколько изменилась – не было найдено ни одной кости, зато в наличии имелся не один, а целых два призрака. И у нас начало закрадываться подозрение, что все идет совсем не так, как предполагалось.

– Сейчас всем нам нужно успокоиться и привести в порядок свои нервы, – сказал Локвуд, прерывая возникшую в нашем с Джорджем разговоре паузу, во время которой мы испепеляли друг друга взглядами. – Да, мы где-то напортачили, поэтому продолжать сегодня нет смысла. Сейчас собираем вещи и уходим, вернемся сюда в другой раз. Остается только один вопрос: что делать с этими Рейзами? Как вы считаете? Шарахнуть их вспышками?

Чтобы оказаться рядом со мной и Джорджем, Локвуд сделал шаг назад, продолжая при этом неотрывно следить за «своим» призраком, плававшим по воздуху возле железного круга. Как и мой Гость, этот призрак имел вид почти разложившегося трупа, только, в отличие от «моего», был одет в длинный истлевший сюртук и очень даже веселенькие алые бриджи.

В черепе этого призрака зияли дырки от нескольких выпавших – и, очевидно, потерявшихся – костей, а из обтрепанных обшлагов сюртука высовывались костяные руки с обрубленными кистями.

– Вспышки будут самое то, – сказала я. – Это же призраки Второго типа, соляные бомбочки против них не так эффективны.

– А по мне, так лучше сэкономить пару хороших магниевых вспышек, тем более что мы даже не нашли Источник, – возразил Джордж. – Ты знаешь, сколько они стоят, эти вспышки?

– Можно просто удерживать Гостей на безопасном расстоянии с помощью рапир, – предложил Локвуд.

– Слишком рискованно. Был бы один Рейз – другое дело, а тут их двое.

– Еще железные опилки можно попробовать.

– Нет, я все-таки настаиваю на том, что это должны быть вспышки.

Пока мы таким образом препирались, безрукий призрак мало-помалу приближался к железным цепям, плывя над землей, печально склонив набок голову, словно прислушивался к нашему разговору. Затем он прикоснулся к защитному барьеру – к небу взметнулся язык потустороннего света, зашипела, полилась на землю плазма. Мы дружно отступили на шаг от края железного круга.

Тем временем к барьеру вновь начал приближаться «мой», очухавшийся от первого удара Гость. Впрочем, такое поведение характерно для всех Рейзов – эти призраки вечно голодны, бесконечно злы и никогда просто так не отступят.

– Ну хорошо, Люси, – вздохнул Локвуд. – Вспышка так вспышка. Сожги своего, я сожгу своего, на том и покончим.

– Ты сам так распорядился, – мрачно подчеркнула я.

Одно удовольствие, скажу я вам, использовать греческий огонь на открытом воздухе, когда не опасаясь сжечь дом или повредить какую-нибудь дурацкую вазу. А поскольку Рейзы – призраки внешне отвратительные (хотя, пожалуй, Сырые Кости или Обрубки им в этом не уступят), испытываешь при этом дополнительную радость. Итак, я вытащила из кармашка на своем поясе металлическую банку и с силой швырнула на землю прямо под ноги «своему» Гостю. Хрустнул стеклянный предохранитель. Затем полыхнула ослепительная вспышка магния, железа и соли, озарив всю окрестность раскаленным белым светом. Спустя мгновение снова стало темно. «Мой» Рейз исчез, от него остались лишь редкие облачка дыма. Здесь и там в траве догорали искры магния.

– Отлично, – сказал Локвуд, вынимая свою вспышку. – Один Гость готов, второго я сейчас... Что там, Джордж?

Я повернула голову и увидела раскрытый рот Джорджа. Это я еще могла бы пережить, в конце концов Джордж часто сидит с раскрытым ртом. Глаза... Да

они буквально выпирали из-за стекол очков, будто кто-то выдавливал их изнутри – но и такое мне уже доводилось видеть. Нет, самым жутким был жест, которым Джордж указывал в сторону леса.

Мы с Локвудом проследили в направлении грязного толстого пальца Джорджа – и увидели.

Там, в темноте, среди искривленных стволов и поникших ветвей плыло пятно потустороннего света. Это была окруженная светом, неподвижная фигура мужчины. Шея у него была сломана, поэтому голова безвольно скатилась набок. Фигура медленно приближалась, летела по прямой, проходя сквозь деревья.

– Это невозможно, – сказала я. – Я только что взорвала его. Он не мог восстановиться за такое короткое время.

– Да, наверное, – кивнул Локвуд. – Джордж, сколько здесь может быть Рейзов-висельников?

Джордж неопределенно хмыкнул, затем повернул руку и указал своим грязным пальцем на другой участок леса. У меня дрогнуло сердце и противно сжался желудок. Там, куда показывал Джордж, появилось еще одно бледное зеленоватое пятно. А за ним, совсем вдалеке, вспыхнул еще один огонек. И еще один...

– Пять, – сказал Локвуд. – Еще пять Рейзов.

– Шесть, – поправил его Джордж. – Вон там еще один, маленький, его плохо видно.

– Откуда они лезут? – нервно сглотнув, спросила я.

– Мы отрезаны, – спокойным, очень спокойным голосом сказал Локвуд. – А что у нас за спиной?

Прямо рядом со мной был набросанный Джорджем земляной холм. Я вскарабкалась на него и нервно осмотрелась по сторонам на все триста шестьдесят градусов.

С того места, где я стояла, был виден небольшой, освещенный зажженными лампами и окруженный железной цепью островок. Вдоль серебристых звеньев цепи кружил, как кот возле птичника, безрукий Гость Локвуда. Над безруким призраком раскинулось ночное небо с крупными звездами, а за ним угадывались мягкие очертания леса, и оттуда, сквозь деревья, на край поляны выплывали молчаливые зеленоватые фигуры.

Шесть, девять, дюжина фигур, еще больше... Все костлявые, все в истлевших обносках, все со сломанной шеей, они стекались к нам, излучая неяркий потусторонний зеленоватый свет.

- Они везде, - сказала я. - Они окружают нас со всех сторон...

После недолгого молчания раздался голос Джорджа.

- У кого-нибудь чая в термосе не осталось? - спросил он. - Что-то у меня в горле пересохло.

2

Нет-нет, мы не впадаем в панику, когда оказываемся в трудных ситуациях. Такие ситуации - часть нашей работы. Ведь мы сотрудники агентства парапсихологических расследований, и чтобы поставить нас в тупик, должны одновременно появиться не менее полусотни опасных призраков. Не думайте, что я хвастаюсь. И что меня не выбило из колеи все, что происходило тогда в Уимблдонском лесу, тоже не думайте. Выбило.

- Один человек, Джордж! - раздраженно воскликнула я, соскальзывая с земляного холмика и спрыгивая на траву через замшелый камень. - Ты сказал, что здесь похоронен один человек! Некий тип, которого звали Мэллори. Можешь мне его указать? Или затрудняешься в такой толпе?

- Я исходил из того, что написано в хрониках, - возразил Джордж, проверяя свой рабочий пояс. - Тебе не в чем винить меня. - Он поправил еще один ремешок.

– Хроники! Хорошая отговорка!

– Никто никого ни в чем не винит, – поставил точку Локвуд. Он спокойно стоял, прищурившись, внимательно осматривая лужайку. Затем принял решение и немедленно сообщил нам о нем: – План «Д». Действуем по плану «Д», немедленно.

– Проще говоря, разбегаемся кто куда? – уточнила я.

– Не совсем. План «Д» предусматривает совместный безопасный отход с сохранением чувства собственного достоинства.

– Ты перепутала его с планом «Е», Люси, – пробурчал Джордж. – Они очень похожи.

– Послушайте, – сказал Локвуд. – Остаться до утра внутри железного круга нельзя. Начнем с того, что могут не выдержать цепи. Меньше всего Гостей я вижу на восточной стороне поляны. Точнее, их там всего двое. Значит, прорываемся в восточном направлении. Бежим до вон того высокого вяза, затем проскакиваем через лес и пересекаем общинную землю. Если все это проделать быстро, они не успеют нас схватить. У нас с Джорджем еще сохранилось по вспышке, если Рейзы слишком приблизятся, мы пустим их в дело. Ну что, хороший план?

Если честно, то план, конечно, был так себе, но все же иметь хотя бы такой план лучше, чем не иметь никакого. И ничего другого мы с Джорджем предложить тоже не могли. Так что я молча вытащила из кармашка на поясе соляную бомбочку, а Джордж приготовил оставшуюся у него вспышку. Теперь нам оставалось лишь дожидаться команды.

К восточной стороне железного круга подплыл безрукий призрак. Он уже совершил несколько попыток проникнуть за барьер, потеряв при этом значительную часть своей эктоплазмы, и потому выглядел теперь еще более печальным и жалким, чем прежде.

Почему Рейзы всегда принимают странные или пугающие обличья, но никогда не показываются в виде мужчин и женщин, какими они были при жизни? По поводу такой особенности манифестации Рейзов существует множество теорий, и среди

них ни одной правильной. Так же как нет до сих пор и достоверной теории, объясняющей нашествие Гостей на Англию. Откуда, зачем и почему они явились? Ответа на эти простые вопросы не знает никто, потому-то эпидемия призраков и называется Проблемой.

– Внимание, пошли! – сказал Локвуд, выходя за железный круг.

Я бросила в Рейза соляную бомбочку.

Она взорвалась, взлетело облако крупинок соли – при соприкосновении с плазмой призрака они вспыхивали и сгорали изумрудными искрами. Рейз, в которого я швырнула бомбочку, распался на куски, словно отражение на поверхности бегущей воды. Затем полосы бледного призрачного света дугой откинулись назад, дальше от соли, от железного круга. Отплыли – и снова принялись сплетаться, образуя мужскую фигуру со сломанной шеей.

Наблюдать за тем, как восстанавливается Рейз, было любопытно, но некогда. Мы уже выскочили за цепи и мчались к далекому вязу по бугристой, скрытой во тьме земле.

По моим ногам хлестали мокрая трава, тряслась сжатая в кулаке рапира. Среди деревьев появились бледные фигуры, начали разворачиваться вдогонку за нами. Два самых проворных призрака уже выплыли из леса на край поляны, дергая сломанными шеями, запрокинув головы к звездному небу.

Призраки были быстры, но мы были еще быстрее. Мы добежали уже почти до самого края поляны – тот высокий вяз был буквально в двух шагах. Локвуд, у которого были самые длинные ноги, слегка вырвался вперед, я бежала следом, за мной топал Джордж, едва не наступая мне на пятки. Еще несколько секунд, и мы скроемся в гуще леса, там, где не замечено ни потустороннего свечения, ни движения призраков.

Все должно быть хорошо.

Я споткнулась, зацепившись за что-то ногой, и упала. Уткнулась лицом в мокрую холодную траву, моментально промокнув от ночной росы. Что-то ударило меня по ноге, затем через меня перелетел Джордж, с проклятиями плюхнулся в траву и откатился в сторону. Я приподняла голову. Локвуд уже стоял возле дерева и в

эту секунду оборачивался – видно, только сейчас понял, что мы попали. Затем он что-то крикнул и бросился к нам с Джорджем.

Меня обдало холодом. Я скосила глаза – рядом со мной стоял Рейз.

Нужно отдать этому Рейзу должное – он оказался большим оригиналом среди своих собратьев. Никаких пустых глазниц, никакого голого черепа, никаких обрубков костей. Рейз появился передо мной в виде трупа, конечно, но трупа еще не разложившегося. Его лицо оставалось целым, остекленевшие глаза широко раскрыты. Кожа у него была омерзительно белесой и матовой, как брюшки рыб, разложенных на прилавках рынка Ковент-Гарден.

Четкость деталей была поразительной – я могла рассмотреть каждое волокно наброшенной на шею призрака веревки, блестящие капельки слюны на белых зубах...

А сама я тем временем продолжала лежать на животе, не в силах ни поднять свою рапиру, ни дотянуться до рабочего пояса.

Гость наклонился в мою сторону, потянул ко мне свои бледные рыбьи руки...

И исчез. Прямо над моей головой полыхнула ослепительно-белая вспышка, на лицо и одежду посыпались пепел и догорающие частицы соли и железа.

Вокруг меня снова стало темно.

– Спасибо, Джордж, – сказала я, поднимаясь на ноги.

– Это не я, – ответил Джордж, протягивая руку и помогая мне встать. – Вон, смотри.

По лесу и над поляной метались узкие белые лучи магниевых фонарей, специально сконструированных таким образом, чтобы рассекать своим светом плазменную плоть призраков. Повсюду раздавались голоса, шум шагов, хрустели раздавленные тяжелыми подошвами прутья и ветки. Слышались приглушенные команды и четкие, короткие ответы на них. Наступление Рейзов было отбито, и теперь призраки, словно сбитые с толку, бесцельно метались во всех

направлениях. Вспыхивали изумрудные искры горячей соли, среди деревьев распускались ослепительные вспышки греческого огня. Каждая такая вспышка выхватывала из темноты силуэты деревьев и кустов, ослепляла, обжигала сетчатку глаз. Вскоре все Рейзы, один за другим, были методично уничтожены.

Локвуд давно успел присоединиться к нам с Джорджем и вместе с нами удивленно наблюдал за происходящим. На лужайке появились несколько человек, которые направились к нам. В свете магниевых фонарей и все еще взрывающихся время от времени вспышек нереально ярким серебром сверкали обнаженные клинки рапир и мягко светилась серая ткань форменных курток.

- Агенты «Фиттис», - сказала я.

- О, боже, - проворчал Джордж. - Пожалуй, я предпочел бы Рейзов.

На самом же деле все обернулось даже хуже, чем мы могли предположить. Сюда прибыла не просто какая-то команда из агентства «Фиттис», но команда, которой руководил наш старый заклятый приятель Киппс.

Правда, обнаружили мы это не сразу, потому что первые секунд десять пришедшие просто-напросто ослепили нас, направив нам в лицо лучи своих фонарей.

Когда же они догадались наконец приглушить яркость своих лучей, до нас донеслось загробное хихиканье, а затем долетел и запах мерзкого вонючего дезодоранта - именно он не оставил никаких сомнений в том, кто стоит перед нами.

- Тони Локвуд, - с притворным удивлением протянул Киппс. - Вместе с Джорджем Каббинсом и... э-э... Джулией, так, кажется? Прошу прощения, я никогда не запоминаю женские имена. Какого черта вы здесь делаете, ребята?

Кто-то включил обычный фонарь, не такой резкий, как магниевый, и мягкий свет выхватил из темноты лица всех, кто стоял рядом с нами. Их было трое - только группа Киппса. Остальные агенты в серой униформе разбрелись по всей поляне, посыпая траву солью и железными опилками. Среди деревьев клубился

серебристый дым.

- Ну и вид у вас, однако, - заметил Киппс и снова фыркнул.

Я вам уже рассказывала о Киппсе? Нет? Он руководит одной из оперативных команд в Лондонском филиале агентства «Фиттис». Напоминать о том, что «Фиттис» - старейшее и самое престижное в стране агентство по проведению парапсихологических расследований, думаю, излишне. Главный офис агентства находится на Стренде, а всего в «Фиттис» служит примерно триста агентов. Большинство из них - это подростки, которым еще не исполнилось шестнадцати, но встречаются и агенты в возрасте всего восьми лет. Агенты разбиты на команды, и каждой командой руководит взрослый агент-инспектор. Вот Киппс как раз один из таких «командиров».

Если выражаться дипломатично, можно сказать, что Киппс - молодой человек в возрасте чуть за двадцать, довольно хрупкого телосложения, с коротко подстриженными рыжеватыми волосами и узким, покрытым веснушками лицом. Если выражаться недипломатично, но куда более точно, Киппс - это хилый коротышка с толстым курносом, как у мопса, носом, огромным заостренным подбородком и рыжими, как морковный сок, волосенками. Плечики у него, как уже говорилось, узенькие и хилые, зато голова огромная, поэтому Киппс больше всего напоминает водонапорную башню. В общем, такая сопля на палочке. Он уже слишком стар, чтобы самому сражаться с призраками, но это не мешает ему с форсом таскать на поясе громадную рапиру с дешевыми стеклянными «брульянтами» на эфесе.

На чем я остановилась? Ах да, Киппс. Он терпеть не может наше агентство, завидует каждому нашему успеху и злорадствует над каждой неудачей. Ну и черт с ним.

- Да, это картина, - повторил Киппс. - Сегодня вы даже грязнее, чем обычно.

Только сейчас я обратила внимание на то, что нас - всех троих - вскользь обожгло вспышкой. Рубашка Локвуда была прожжена на груди, лицо в пятнах от сгоревшей соли. С моей куртки и легинсов при каждом движении сыпались хлопья пепла и сажи. Волосы у меня всклокочены, а от ботинок пахло сгоревшей кожей.

Джордж тоже был перепачкан сажей, но в целом от вспышек он пострадал гораздо меньше нас с Локвудом, поскольку еще до этого успел с ног до головы вывалиться в грязи.

– Благодарю за помощь, Киппс, – сказал Локвуд, небрежно стряхивая пепел с рукавов своей рубашки. – Мы оказались здесь в затруднительном положении. Нет, в принципе, мы полностью держали ситуацию под контролем, но тем не менее та ваша вспышка пришлась очень кстати.

– Под контролем? – ухмыльнулся Киппс. – Помолчал бы лучше. Когда мы пришли сюда, то приняли вас за обезумевших от страха местных жителей. Поэтому Кэт сразу же швырнула вспышку, а выяснить, кто вы такие, решила потом. Честно говоря, нам и в голову не могло прийти, что та троица беспомощных идиотов – это вы.

– Они все испортили, – хмуро сказала стоявшая рядом с Киппсом девушка. – Я ничего не могу расслышать. Слишком много постороннего экстрасенсорного шума.

– В любом случае, мы очень близко подобралась к Источнику, это совершенно очевидно, – сказал Киппс. – Думаю, нам будет легко его найти. И, может, теперь команда Локвуда сможет помочь нам?

– Сомневаюсь, – ответила девушка, пожимая плечами.

Правая рука Киппса в команде, Кэт Годвин, была, как и я, Слухачом, но кроме этого между нами не было больше ничего общего. Кэт была стройной блондинкой с капризными пухлыми губками – одно это давало мне сразу три веские причины испытывать к ней неприязнь. Я не смогла бы относиться к Кэт с симпатией, даже если бы она была кроткой, как Белоснежка, и все свободное от работы время ухаживала за больными ежиками. Но Кэт была вовсе не кроткой, а бесконечно честолюбивой, эгоистичной, холодной и бессердечной, а уж чувства юмора у нее было не больше, чем у черепахи. Шутки только раздражали ее, поскольку она их абсолютно не понимала. Внешне Кэт была милашкой, правда, подбородок ее был, пожалуй, слишком острым. Если протащить Кэт по вспаханной земле, то в оставленной ее подбородком борозде можно сеять бобы. Светлые волосы ее были слишком коротко острижены сзади, а спереди на лоб спадала нелепая конская челка. На форменной серой куртке, юбке и легинсах

Кэт никогда не было ни пятнышка – это наводило на мысль, что, в отличие от меня, ей никогда не доводилось удирать по печной трубе от агрессивного Спектра или сражаться с полтергейстом в канализационных коллекторах в Брайдвелле (между прочим, это задание официально признано «самой грязной работой в истории»). При этом, хотите верьте, хотите нет, всегда случалось так, что мы с Кэт сталкивались сразу после этого. Я – по уши в грязи, она – при полном параде. Вот и сейчас снова то же самое.

– На кого охотитесь этой ночью? – поинтересовался Локвуд. В отличие от нас с Джорджем, погрузившихся в мрачное молчание, наш шеф старался держаться бодрячком и по возможности оставаться вежливым.

– Ищем Источник этого призрачного кластера, – ответил Киппс, указывая рукой в сторону леса, где среди деревьев догорал, рассыпая вокруг себя изумрудные искры, последний из Гостей. – Довольно крупная операция.

Локвуд покосился на толпу малолетних агентов, носившихся взад и вперед по поляне. У них с собой были соляные ружья, ручные катапульты для вспышек и магниевые фонари. Рядом со штатными агентами сновали ученики – тащили свернутые кольцом цепи, портативные дуговые фонари, термосы с чаем, катили маленькие тележки, груженные серебряными печатями.

– Да, я вижу, – сказал Локвуд. – Защищены вы капитально, ничего не скажешь.

– В отличие от вас, – хмыкнул Киппс. – Мы-то всегда знаем, во что ввязываемся, не то что некоторые. – Он скользнул взглядом по нашим рабочим поясам. – Не понимаю, как вы собирались устоять перед целой толпой Рейзов с таким нищенским набором, а, Глэдис?

К нам подбежала девочка лет одиннадцати с конским хвостом на затылке и, залихватски отсалютовав, звонко сказала:

– Докладываю, мистер Киппс, мы обнаружили возможный центр экстрасенсорного притяжения в центре поляны. Там еще куча свежевырытой земли и большая яма...

– Извините, но оттуда вам придется уйти, – сказал Локвуд. – На том месте работаем мы. И вообще, все это расследование было нашим. Эту работу пару

дней назад нам предложил не кто-нибудь, а сам мэр Уимблдона.

– Прости, Тони, но эту же работу взяли и мы, – приподнял свою морковную бровку Киппс. – Заказ был открытым, за него мог взяться любой желающий. Условия сам знаешь какие – кто первым обнаружит Источник, тот и получит деньги.

– Значит, деньги будут наши, – твердо заявил Джордж. Протереть очки ему с горем пополам удалось, но все лицо было покрыто густым слоем коричневой грязи. В таком виде Джордж напоминал сову.

– Если вы нашли Источник, как утверждаете, то почему его не запечатали? – спросила Кэт Годвин. – Почему, в таком случае, здесь повсюду продолжают шастать призраки?

Я молча была вынуждена согласиться с тем, что эта пигалица с конской челкой попала в точку.

– Мы нашли могилу, – сказал Локвуд. – И сейчас раскапываем ее, ищем останки.

Повисло молчание, после чего Киппс осторожно переспросил:

– Могилу?

– Ну да, – в некотором замешательстве подтвердил Локвуд. – Место, где были захоронены все эти преступники...

Он посмотрел на Киппса и его агентов.

Белобрысая девочка расхохоталась. Представьте себе породистую лошадь, презрительно ржущую в своем уютном стойле, глядя на трех грязных, волочащихся мимо конюшни ослов, – и вы получите полное представление о том, как она расхохоталась.

– Ну вы и кретины, – вздохнул Киппс.

– Потрясающе, – презрительно фыркнула Кэт Годвин. – Бесподобно.

– Что вы хотите сказать? – мрачно спросил Локвуд.

– Хотим сказать, что на этой лужайке никого не хоронили, – ответил Киппс, вытирая пальцем слезы. – Здесь преступников только казнили. Виселица здесь стояла, понимаете, идиоты? Ви-се-ли-ца. – Он обернулся и крикнул куда-то в темноту: – Эй, Бобби! Подойди сюда!

– Да, сэр, я уже здесь, мистер Киппс, сэр! – подбежал к нам маленький человечек.

Я мысленно застонала. Это был Бобби Вернон – один из самых новых и самых-самых раздражавших меня агентов Киппса. Он работал в этой команде всего месяц, ну, может, два. Вернон был коротышкой какого-то неопределенного возраста – на вид вроде бы почти ребенок, но при этом я бы не удивилась, случайно узнав, что Вернону на самом деле лет пятьдесят. Такая, знаете, ходячая иллюстрация к поговорке «Маленькая собачка – до старости щенок». Рядом со своим невысоким шефом Вернон выглядел маленьким – едва доставал Киппсу до плеча. Кэт Годвин он доставал до груди. До какого места он будет доставать, стоя рядом с Локвудом, я даже думать побаивалась – слава богу, никогда не видела их стоящими рядом. На Верноне болтались коротенькие серые шорты, из которых торчали тонкие, как стебли бамбука, ножки. Не знаю, какой размер обуви носил Вернон, но его ботиночки совершенно не были заметны среди травы. Личико у Вернона было бледным, блестящим и каким-то стертым – единственной запоминающейся деталью можно считать только прилипшую ко лбу набриолиненную прядь волос.

Но Вернон был умен, очень умен. Как и наш Джордж, он считался специалистом по архивным расследованиям. Сегодня Вернон явился на задание с маленькой дощечкой с переносной лампочкой, освещавшей приколотую к дощечке карту Уимблдонского леса и его окрестностей, обернутую водонепроницаемой пленкой.

– Наши друзья не совсем разобрались с тем, что это за место, Бобби, – сказал Киппс. – Я сказал им, что здесь стояла виселица. Можешь еще что-нибудь добавить?

Вернон расплылся в довольной улыбке и, кажется, даже слегка раздулся от гордости:

– Разумеется, сэр. Накануне я взял на себя труд посетить Уимблдонскую библиотеку: изучил местную криминальную историю. Обнаружил сообщение о некоем Мэллори, который...

– ...был повешен и похоронен у перекрестка дорог, – раздраженно перебил его Джордж. – Все верно. Я тоже читал это сообщение.

– Да, но заходили ли вы также в архив при уимблдонской церкви Всех Святых? – спросил Вернон. – Там я отыскал очень интересные местные хроники. Выяснилось, что останки Мэллори были заново обнаружены во время работ по расширению дорожного полотна на перекрестке – в 1824 году, если не ошибаюсь. Их достали и перезахоронили где-то в другом месте, где именно – неизвестно. Таким образом, призрак Мэллори привязан не к его костям, а к месту, где он умер. Та же связь с этим местом возникла у еще нескольких казненных. Мэллори просто был самым первым, кого здесь повесили, вот и все. В архиве перечислены десятки преступников, которых вздернули на этой виселице. – Вернон постучал пальцем по своей дощечке с картой и жеманно улыбнулся нам. – Вот так все обстоит на самом деле. Найти записи, о которых я упомянул, очень легко – если, конечно, знать, что ты ищешь.

Локвуд покосился на Джорджа, который предпочел промолчать.

– Разумеется, самой виселицы уже давным-давно нет, – продолжал Вернон. – Поэтому мы ищем что-нибудь вроде остатка столба или, быть может, камень, которым отмечено место, где когда-то стояла виселица. По всей видимости, это и есть Источник, который привлекает всех призраков, что мы только что здесь видели.

– Ну, Тони, кто-нибудь из вас видел камень? – требовательно спросил Киппс.

– Да, был там один, – неохотно ответил Локвуд. – В самом центре поляны.

– Отлично! – прищелкнул от восторга языком Вернон. – Стойте, стойте, не говорите, сначала я! Итак, камень – квадратный, скошенный с одной стороны, с глубоким широким желобком. Он?

Увы, никто из нас не удосужился даже рассмотреть как следует тот покрытый мхом камень.

– Э-э... Возможно.

– Да! Тот самый камень! Он стоял у основания виселицы, которую потом снесли. Над этим камнем раскачивались и разлагались тела повешенных. Об него они ударялись, когда начинали распадаться на куски. – Он нахмурился, поморгал и вдруг выпалил: – Только не говорите, что трогали этот камень с места.

– Нет-нет, – сказал Локвуд. – Как можно!

Из темноты долетел крик одного из агентов:

– Найден квадратный камень! Наверняка тот самый. Судя по всему, его кто-то совсем недавно выкопал и перекатил с места.

Локвуд моргнул. Вернон самодовольно улыбнулся.

– О, боже! Значит, вы потревожили Источник всего кластера, а затем бросили его. Неудивительно, что к нему начало возвращаться столько Гостей. Это все равно что заткнуть раковину пробкой и уйти пить чай... Вскоре в ванной станет сыровато! Ладно, пойду прослежу, чтобы эту важную реликвию как следует запечатали. Было очень приятно поговорить с вами. – И Вернон ушел, ковыляя по мокрой траве. Мы мрачно смотрели ему вслед.

– Талантливый парень, – заметил Киппс. – Бьюсь об заклад, ты хотел бы заполучить его в свою команду, Тони.

– Нет, – тряхнул головой Локвуд. – Постоянно буду спотыкаться об него. Или ненароком раздавлю, не заметив, что он сидит на диване. Ну что, Квилл, поскольку мы обнаружили Источник, а твои агенты лишь запечатали его, нам придется разделить вознаграждение. Я предлагаю так: шестьдесят процентов нам, сорок вам. Идет? Если да, завтра утром вместе нанесем визит местному мэру.

Киппс и Годвин рассмеялись. Ехидно рассмеялись, надо заметить. Затем Киппс потрепал Локвуда по плечу:

– Ах, Тони, Тони, я бы рад тебе помочь, но тебе хорошо известно, что вознаграждение получают только агенты, обезвредившие, то есть запечатавшие Источник. Прости, таковы правила ДЕПИК.

Локвуд отступил на шаг назад – мы с Джорджем сделали то же самое – и спросил, кладя руку на эфес своей рапиры:

– Значит, вы забираете Источник?

– Да, забираем.

– Я не позволю.

– Боюсь, у тебя нет выбора. – Киппс свистнул, и рядом с ним тут же нарисовались четверо оперативников с рапирами наготове. Все они были двухметровыми громилами с одинаковыми лицами – ни дать ни взять, четыре гориллы в серой униформе.

Локвуд медленно убрал свою руку с эфеса рапиры. Мы с Джорджем тоже опустили руки.

– Так-то лучше, – сказал Квилл Киппс. – Взгляни на вещи трезво, Тони. Ну что у тебя за агентство? Так, ерунда. Три агента. Купить лишнюю вспышку – проблема. Не агентство, а дешевый балаган. У вас даже униформы нет. И нет ни единого шанса против настоящего, крупного агентства. Вы всегда будете аутсайдерами – тебя это устраивает, Тони? Тебе нравится быть вечным неудачником? А теперь идите. Сумеете сами выбраться отсюда или позвать Глэдис, чтобы она отвела вас за ручку?

Локвуд каким-то невероятным усилием воли сумел сохранить невозмутимый вид и сухо ответил:

– Благодарю, провожатых нам не нужно. Джордж, Люси, пойдемте.

Мы с Локвудом двинулись вперед, а Джордж продолжал как вкопанный стоять на месте, сверкая глазами сквозь стекла очков.

- Джордж, - повторил Локвуд.

- Агентство «Фиттис», - пробормотал Джордж. - Всюду это агентство «Фиттис». Только потому, что оно больше, оно сильнее - и этого достаточно, чтобы сметать всех со своего пути. Как мне это надоело! Меня уже тошнит от этого. Если бы все происходило на полигоне, мы разделали бы эту серую команду под орех.

- Разделали бы, - негромко согласился Локвуд. Только здесь не полигон. Пойдем.

- Хнычешь, Каббинс? - усмехнулся стоявший рядом Киппс. - Что-то на тебя не похоже.

- О, я поражен! Неужели мои слова достигли твоих ушей, миновав заслон нанятых тобой горилл-телохранителей? - воскликнул Джордж. - А может быть, настанет день, когда ты рискнешь выйти из-за этой стенки, чтобы по-честному сразиться один на один? Вот тогда бы мы посмотрели, кто кого.

Джордж повернулся, собравшись уходить.

- Это вызов? - бросил вслед ему Киппс.

- Пойдем, Джордж, - сказал Локвуд.

- Нет-нет, погоди, Тони. - Киппс растолкал своих горилл и продолжил, ухмыльнувшись: - Знаешь, мне в кои-то веки понравилось то, что предложил Каббинс. Соревнование! Ваша команда против моей лучшей тройки! Это будет очень любопытно. Что скажешь, Тони, - по рукам?

Только сейчас я впервые обратила внимание, что жесткая улыбка Киппса похожа на опасную улыбку Локвуда, только уменьшенную, более показную и агрессивную. Если улыбку Локвуда уместно назвать волчьей, то Киппс улыбается как гиена. Но Локвуд сейчас вовсе не улыбался. Он выпрямился во весь рост и ответил, сверкнув глазами:

– Эта идея мне тоже очень нравится. Джордж прав. Думаю, мы не дадим вам ни единого шанса, если это будет честный поединок, без закулисных игр и прочих подлянок. Просто сравним в деле наши способности вести расследование, уровень Дара, умение подавить и уничтожить Гостя. Но что мы можем поставить при этом на кон? Как я понимаю, ставка должна быть достаточно высокой и интересной обеим сторонам. Не на интерес же нам играть?

– Это верно, – кивнул Киппс. – Только, боюсь, ты вряд ли сможешь предложить что-то такое, что действительно меня заинтересует.

– Ну не скажи, – ответил Локвуд, разглаживая свою прожженную рубашку. – Я предлагаю сделать таким образом. Как только появится очередное открытое для всех задание, мы оба беремся за него. Кто быстрее справится с задачей – тот и выиграл. А проигравший на следующий день помещает в «Таймс» извещение о том, что команда соперника оказалась успешнее его собственной. Что скажешь, Киппс, разве это тебя не позабавит? Если ты выиграешь, конечно. Разумеется, если у тебя сразу разыгрались нервишки...

– Нервишки? У меня? – фыркнул Киппс. – Чушь собачья! Конечно, я принимаю твой вызов. Вот Кэт и Джулия будут свидетелями. Итак, будем ждать подходящего случая. А до тех пор – очень прошу тебя, Тони, – постарайся не угробить свою команду.

С этими словами Киппс отправился восвояси, Кэт Годвин и остальные двинулись следом.

– Э... Меня зовут Люси! – сказала я.

Никто из них меня не услышал, они шли, о чем-то переговариваясь между собой, наверное, о работе. В центре поляны при свете дуговых фонарей агенты под руководством Бобби Вернона обкладывали замшелый камень серебряными сетями-печатями. Другие мальчики в сером уже катили по траве тележку, готовые погрузить на нее обезвреженный камень и увезти прочь. Отовсюду доносились громкие голоса, порой долетали взрывы смеха. Эта ночь стала очередным триумфом великого и могучего агентства «Фиттис». И еще одним провалом агентства «Локвуд и Компания», опять умудрившегося растянуться на ровном месте. Какое-то время мы все трое молча стояли в темноте, затем Джордж сказал:

– Я должен был выговориться. Простите. Если бы я не сказал Киппсу все, что о нем думаю, то, наверное, бросился бы на него с кулаками. Руки чесались.

– Не стоит извиняться, – сказал Локвуд.

– А поскольку нам сейчас не дают возможности по-честному бороться с бандой Киппса, мы имеем полное право плюнуть на все и уйти, – сказала я.

– Верно! – подхватил Джордж и от удовольствия пристукнул кулаком по раскрытой ладони. На траву посыпались комки засохшей грязи. – Все равно мы лучшие агенты во всем Лондоне, разве нет?

– Конечно, – сказал Локвуд. – Лучше не бывает. Но сейчас давайте взглянем на себя. У Люси вся рубашка прожжена на груди, у меня от штанов одни дырки остались. Джордж... Короче говоря, не двинуть ли нам домой, господа?

Часть II

Непредвиденное захоронение

3

Утро выдалось прекрасным, как каждое следующее утро тем жарким летом. Небо было голубым и прозрачным. Припаркованные вдоль улицы автомобили сверкали, словно драгоценные камни. Я шла в лавочку Арифа на углу, щурясь от яркого света, слушая несмолкающий гул большого города. На мне была футболка, шорты и шлепанцы. Дни сейчас были самыми длинными в году, ночи самыми короткими – в это время сила призраков и количество их появлений снижаются до минимума, поэтому в разгар лета большинство людей вообще пытаются забыть о существовании Проблемы. Но на агентов это правило не распространяется, мы всегда наготове, и для нас всегда найдется дело. Я купила у Арифа молока и рулет с вареньем и не спеша пошлепала назад домой.

Вот и он, наш дом, номер тридцать пять по Портленд-Роу. Поблескивает на солнце знакомая табличка на изгороди:

«Э. Дж. Локвуд и Компания, исследователи.

После наступления темноты позвоните в колокольчик и ждите за железной линией»

Табличка давно уже висела на честном слове, колокольчик заржавел, три железные плитки на ведущей к дому дорожке приподнялись и покосились (благодаря старанию подрывших их садовых муравьев), еще одна плитка вовсе куда-то потерялась. Не обращая внимания на все эти мелочи, я прошла в дом, на кухню, положила рулет на блюдо, заварила чай, а закончив готовить завтрак, направилась вниз, в цокольный этаж.

Спускаясь по винтовой лестнице, я услышала шарканье спортивных туфель по полированному полу, свист разрезаемого клинком рапиры воздуха и мягкий хруст, раздававшийся каждый раз, когда удар достигал своей цели – соломенного чучела. Я знала, что это Локвуд: была у него такая привычка – упражняться до изнеможения с рапирой после проваленной работы.

Наш маленький фехтовальный зал был почти свободен от мебели. В углу приткнулась стойка для старых рапир, металлическая миска с тальком для рук на высокой ножке, длинный низкий стол и три старых шатких плетеных стула – больше ничего. Да, еще в центре зала с потолка свисали два набитых соломой манекена в человеческий рост. У манекенов были грубо намалеванные чернилами лица. На голове одного из них был грязный кружевной чепчик, на голове второго – ветхая, покрытая пятнами шляпа-котелок.

Набитые соломой туловища манекенов были покрыты десятками маленьких дырочек, оставшихся после точного попадания рапиры. У наших манекенов были имена – Леди Эсмеральда и Болтающийся Джо.

Сегодня по полной программе от Локвуда получала Эсмеральда. Она раскачивалась, крутилась на своей цепи, у нее даже чепчик съехал на сторону.

Локвуд кружил рядом с Эсмеральдой, держа в руке рапиру. Он был в слаксах и спортивных туфлях, без пиджака, в рубашке с подвернутыми рукавами. В воздухе танцевали поднятые с пола пылинки, сверкало лезвие рапиры, выписывая стремительные сложные узоры. Локвуд сделал несколько ложных выпадов, затем нанес удар и с хрустом проколол набитое соломой плечо несчастной Леди Эсмеральды. Волосы Локвуда блестели, лицо было вдохновенным, взгляд – сосредоточенным. Я наблюдала за ним, остановившись в дверях.

– Я с удовольствием попробую кусочек этого рулета, – сказал Джордж, – если ты, конечно, очнешься и подойдешь поближе.

Я подошла к столу, за которым сидел Джордж и читал комикс. На нем были теплые тренировочные штаны и фуфайка с надписью «Джордж» – наш толстячок явно сгонял вес. Ладони его были испачканы тальком, лицо пылало. На столе стояли две бутылки с минеральной водой, рядом с ними лежала рапира.

Когда я проходила мимо, Локвуд оторвался от Леди Эсмеральды и посмотрел на меня.

– Рулет с вареньем и чай, – сказала я.

– Сначала присоединись ко мне. – Локвуд указал на длинную, небрежно надорванную картонную коробку, лежащую рядом со стойкой для рапир. – Итальянские рапиры. Только что доставили от Маллетса. Новая, более легкая сталь и посеребренный кончик клинка. Очень удобные. Тебе стоит попробовать.

– Но это значит, что Джордж останется один на один с рулетом... – замялась я.

Локвуд только усмехнулся и взмахнул рапирой. Зазвенел разрезаемый сталью воздух.

Мне трудно было сказать Локвуду «нет». Как всегда. Кроме того, мне и самой захотелось попробовать новую рапиру. Я вынула из коробки одну из рапир, покачала ее в руке. Она оказалась даже легче, чем я ожидала, и сбалансирована несколько иначе, чем обычный французский эспадрон. Я обхватила ладонью рукоять, рассматривая сложное переплетение защитных колец из серебристого металла, окруживших мои пальцы.

– Специальная защита против брызг эктоплазмы, – пояснил Локвуд. – Ну, как тебе новая рапира?

– Слегка вычурная, – нерешительно заметила я. – Похожа на те, что носит Киппс.

– Ну, зря ты так. У него безделушка, а это серьезное оружие. Попробуй, попробуй.

Насколько лучше и увереннее начинаешь чувствовать себя, когда в твоей руке клинок! Он придает тебе сил, даже если ты еще не завтракала и на ногах у тебя нелепые шлепанцы. Я повернулась к Болтающемуся Джо и прочертила клинком стандартный узел, который должен сдерживать Гостя.

– Не наклоняйся сильно, – посоветовал мне Локвуд. – Так ты слегка теряешь равновесие. Попробуй чуть резче выбросить вперед рабочую руку. Вот так примерно... – Он повернул мое запястье и, взяв меня за талию, слегка поправил стойку. – Видишь? Правда, так лучше?

– Да.

– Я думаю, ты полюбишь эти новые рапиры. – Он пнул Джо ногой, заставив чучело раскачиваться, а я теперь должна была маневрировать, чтобы не столкнуться с воображаемым Гостем.

– Представь, что это голодный призрак Второго типа, – сказал Локвуд. – Он ищет контакта с человеком, тянется к тебе... А ты должна удерживать весь сгусток плазмы в одном месте, чтобы она не вырвалась, иначе возникнет опасность для работающих рядом с тобой товарищей-агентов. Попробуй применить двойной защитный узел, такой, например...

Клинок Локвуда со свистом прочертил в воздухе сложный узор.

– Нет, мне такой никогда не освоить, – сказала я.

– Да брось, это всего лишь виток Куриаши. Как-нибудь покажу его тебе, он не такой уж сложный.

– Хорошо.

– Чай стынет, – заметил Джордж. – А я раздумываю, взять мне последний кусочек рулета или нет.

Джордж соврал. Рулет по-прежнему лежал на блюде. Почти целый. Но действительно пора было что-нибудь съесть, здесь я с Джорджем согласна, а то в животе как-то скучно и ноги словно ватные. И вообще нужно отдышаться и отдохнуть после вчерашней незадавшейся ночи. Я проскользнула между Джо и Эсмеральдой и направилась к столу. Локвуд задержался, чтобы сделать еще несколько выпадов – стремительных, плавных и элегантных. Мы с Джорджем жевали рулет и наблюдали за своим шефом.

– Как тебе рулет? – спросила я Джорджа.

– То, что надо, – с полным ртом ответил он. – А вот такие штуки, как виток Куриаши, я просто не перевариваю. Модная дешевка, и больше ничего. Витки Куриаши специально придумывают в больших агентствах, это для них что-то вроде визитной карточки. А меня учили по-простому: увидел Гостя – бей, удерживай его на месте и не давай прикоснуться к себе. Все. Точка. А то Куриаши, Куриаши!

– Ты все еще переживаешь из-за вчерашней ночи, – сказала я. – Знаешь, я тоже.

– Как говорится, неприятность эту мы переживем. Да, это моя вина – я не расследовал это дело как положено. Но мы были должны, обязаны обратить внимание на тот камень и разобраться с ним раньше, чем туда нахлынула толпа этого сброда из «Фиттис», – покачал головой Джордж. – Банда снобов. Задаваки. Я-то знаю, я там работал. Они кривят губу, если заметят, что на тебе не модная куртка или что у тебя брюки не отутюжены. Как будто внешний вид – самое главное в человеке...

Тут Джордж без стеснения запустил руку себе в штаны и почесался.

– Да нет, в большинстве своем агенты из «Фиттис» – славные ребята, – возразил подошедший к столу Локвуд, кажется, совсем не запыхавшийся после своих упражнений. Он со звоном положил рапиру на стол и продолжил, отряхивая с ладоней тальк: – Они такие же подростки, как мы, и точно так же постоянно

рискуют своей жизнью. Старшие инспекторы – вот корень зла. Это они воображают себя неприкасаемыми только потому, что получили непыльную работенку в старых крупных агентствах.

– И не говори, – мрачно сказал Джордж. – Меня тошнит от этих инспекторов.

– А Киппс – самый мерзкий из них, – кивнула я. – Он до печенок ненавидит нас, верно?

– Не нас, – сказал Локвуд. – Меня. На самом деле он ненавидит меня.

– Но почему? Что он имеет против тебя?

Локвуд взял со стола одну из бутылок с водой и со вздохом ответил:

– Кто знает? Может, ему моя прическа не нравится, или то, что я моложе его, или он не может пережить, что у меня есть свое агентство, а у него нет. И таких компаньонов, как у меня, у него тоже нет и не предвидится, – говоря это, Локвуд перехватил мой взгляд и улыбнулся.

– А может, все дело в том, что ты когда-то уколол его клинком в задницу, – добавил Джордж, отрываясь от своего комикса.

– Да, было такое, – согласился Локвуд, делая глоток воды.

– Как? – спросила я, переводя взгляд с Локвуда на Джорджа и обратно. – И когда это случилось?

– Это было давно, Люси, – ответил Локвуд, плюхаясь на стул. – Когда я был еще мальчишкой. ДЕПИК ежегодно проводит здесь, в Лондоне, соревнования по фехтованию среди юных агентов. Они проходят в Альберт-Холле. Традиционно лидируют в них «Фиттис» и «Ротвелл», однако мой старый наставник, Гробокопатель Сайкс, решил, что я достаточно хорошо готов, и заявил меня как независимого участника. Короче говоря, в четвертьфинале я попал на Киппса. Он старше меня на несколько лет и потому тогда был чуть повыше, чем я, и, разумеется, считался фаворитом в нашей паре. Перед поединком он обещал побить меня одной левой – ну, как умеет хвастаться Киппс, ты и сама знаешь.

Начался бой, я сбил Киппса с толку парой винчестерских ложных выпадов, и все закончилось тем, что он запутался в собственных ногах и опустился на четвереньки. Тут я его слегка и уколол рапирой в зад. Зрителям это очень понравилось, они взвыли от восторга. Вот с тех пор Киппс и мечтает отомстить мне.

- М-да, - сказала я и спросила: - А ты победил в том турнире?

- Нет, - ответил Локвуд, рассматривая бутылку с водой. - Нет... Я дошел до финала, но не победил. Послушайте, а который час? Что-то мы разленились сегодня. Пойду приму душ - и за дело.

Локвуд вскочил на ноги, подцепил с блюда два ломтика рулета и, прежде чем я успела раскрыть рот, уже исчез.

- Знаешь, он очень не любит говорить о себе, - взглянул на меня Джордж.

- Я это заметила.

- Такой уж он человек. Удивляюсь, что он рассказал тебе хотя бы столько, как сегодня.

Я кивнула. Джордж был прав. Намеки, брошенные вскользь упоминания о чем-то, - это все, чего можно было дожидаться от Локвуда. Если же начать приставать к нему с расспросами, он сразу захлопывается, словно раковина, и ничего из него не выудишь. Это сильно раздражало, но в то же время подогревало мое любопытство. Короче говоря, я проработала в нашем агентстве год и за это время почти ничего не узнала о биографии своего загадочного шефа.

Тем летом - если не считать обидного прокола в Уимблдонском лесу - дела наши шли неплохо. Именно неплохо, не более того. Зарабатывали мы теперь больше, чем прежде, но все равно нам как до луны было до того же, например, Стива Ротвелла, главы гигантского агентства «Ротвелл», который, по слухам, недавно отгрохал себе новый особняк с личными призрак-лампами во дворе и каналами с проточной водой, которую круглые сутки качают электрические помпы.

После знаменитого случая с Кричащей лестницей прошло семь месяцев. Если кто забыл, наше агентство прославилось тогда, очистив от кластера призраков Кум Кэри Холл – одно из самых сильно зараженных Гостями поместий во всей Англии. Вслед за этим успехом на нас дождем посыпались заказы. Мы изгнали Темного Спектра, который объявился в удаленном уголке Эппингского леса. Очистили дом священника в Апминстере от Светящегося Мальчика. И, разумеется, провели с риском для жизни расследование могилы миссис Баррет, после чего нас во второй раз в истории включили в список команд, претендующих на звание лучшего агентства месяца по версии «Призрачного Вестника». Так что сейчас наша работа была расписана надолго вперед, и Локвуд даже заикнулся однажды о том, что собирается нанять секретаршу.

При этом наше агентство оставалось самым маленьким во всем Лондоне. Энтони Локвуд, Джордж Каббинс и Люси Карлайл – всего три человека, живущих вместе под одной крышей в доме номер 35 по Портленд-Роу. Я бы добавила – живущих и работающих рука об руку.

Что произошло с нами за эти последние семь месяцев? Джордж, пожалуй, ничуть не изменился. Остался таким же грязнулей, был по-прежнему острым на язык и все так же любил бесформенные дурацкие куртки. Ну, и исследователем он остался прежним, способным без устали сутками копаться в архивах, добывая бесценные сведения о зараженных призраками местах. Кроме того, он был самым осторожным из нас, никогда не спешил бросаться вперед очертя голову и тем самым не раз помог всем нам остаться в живых. Джордж сохранил также привычку снимать свои очки и начинать протирать их краем джемпера в следующих случаях: а) когда был полностью уверен в себе; б) когда был раздражен; и в) когда его начинала утомлять моя компания. Впрочем, справедливости ради, стоит заметить, что наши отношения с Джорджем медленно, но улучшались, мы становились все более терпимыми друг к другу. С гордостью могу сказать, что за весь последний месяц у нас с Джорджем всего лишь один раз дошло до полномасштабного скандала с криками, топаньем ногами и швырянием сковородками – это наш личный рекорд.

Джордж очень интересовался природой и философией Гостей, ему хотелось понять причины, по которым они возвращаются в наш мир. С этой целью он давно уже экспериментировал с нашей собственной коллекцией призрачных Источников – в основном это были старые кости и другие фрагменты тел. Это хобби Джорджа иногда доставляло определенные неудобства. Я уже давно потеряла счет случаям, когда спотыкалась об электрические провода,

прикрепленные клеммами к каким-нибудь мощам, или вздрагивала, увидев отрезанную кисть руки в морозилке рядом с рыбными палочками и замороженным горошком.

Но, по крайней мере, у Джорджа были хобби (помимо экспериментов с Источниками, это чтение комиксов и кулинария). Энтони Локвуд был другим. У него практически не было никаких интересов и пристрастий, помимо работы. В редкие выходные дни Локвуд допоздна валялся в постели, вяло листал газеты или перечитывал потрепанные романы – взяв с книжной полки первый попавшийся. Спустя недолгое время роман летел в угол, а Локвуд отправлялся вниз упражняться с рапирой и готовиться к очередному расследованию. Все остальное, повторюсь, его интересовало крайне мало.

А еще он никогда не обсуждал и не анализировал наши прошлые расследования. В нем сидела какая-то сила, безудержно толкавшая его вперед, только вперед. Порой эта сила казалась мне даже чрезмерной, загадочной. Но о том, что с такой силой влечет за собой Локвуда, мне оставалось лишь гадать – сам он не давал ни единого ключа, не рассказывал ничего, что помогло бы это понять.

Внешне он спустя прошедшие семь месяцев казался таким же энергичным и деятельным, как всегда, таким же страстным, неутомимым исследователем и способным вести за собой лидером. Волосы он по-прежнему щегольски зачесывал назад, по-прежнему питал пристрастие к слишком узким, облегающим пиджакам, а со мной вел себя так же вежливо и учтиво, как в день нашего знакомства. А еще, как я подметила, Локвуд вел себя слегка отстраненно – от призраков, появление которых мы расследовали, от клиентов, которых он сам и принимал, и, пожалуй, даже от своих коллег, то есть от меня и от Джорджа.

Самое яркое тому доказательство – подробности личной жизни, которыми мы делились друг с другом. Я, например, пару месяцев колебалась, однако потом рассказала им обоим – Локвуду и Джорджу – все о своем детстве, о печальном опыте работы в годы ученичества у своего первого наставника и о причинах, заставивших меня уйти из дома. Джордж тоже не скупился на разные истории (правда, я редко к ним прислушивалась).

Рассказывая о себе, он чаще всего вспоминал свое детство, которое прошло у него в Северном Лондоне. Оно, кстати говоря, выдалось у него на редкость нормальным – Джордж рос в полной семье, и никто из его родителей или

родственников, насколько я могла понять, не умер и не исчез. Однажды он даже познакомил нас со своей матерью – маленькой пухлой улыбчивой женщиной, которая сразу начала называть Локвуда «голубчиком», меня «душечкой» и угостила нас домашним тортом. Но Локвуд? Нет. Он и так крайне редко говорил о себе, а о своем прошлом или своей семье – вообще никогда. Я целый год прожила с Локвудом под одной крышей в доме, где прошло его детство, но ровным счетом ничего не знала о его родителях.

Я была особенно сильно разочарована этим потому, что весь дом 35 по Портленд-Роу был переполнен собранными родителями Локвуда артефактами и фамильными ценностями, их книгами и мебелью. Стены гостиной и лестничной клетки были увешаны странными предметами – масками, оружием, магическими амулетами для изгнания злых духов. Совершенно очевидно, что родители Локвуда были исследователями и коллекционерами, при этом их больше всего интересовали племена и земли, лежащие далеко за пределами Европы. Но о том, где его родители (или, скорее, что с ними случилось), Локвуд не говорил никогда. Более того, во всем доме не было ни одной их фотографии, ни одной личной вещи.

Во всяком случае, в тех комнатах, куда я заходила.

И мне казалось, что я знаю, где могут таиться ответы на вопросы о прошлом Локвуда.

Была на лестничной клетке второго этажа одна дверь. В отличие от всех остальных дверей в доме 35 по Портленд-Роу, она никогда не открывалась. Когда я начала жить в этом доме, Локвуд потребовал, чтобы эта дверь всегда оставалась закрытой, и мы с Джорджем честно выполняли данное нами обещание не открывать ее. Надо заметить, что замка на двери не было – легко можете себе представить, насколько сильным было искушение, когда я каждый день проходила мимо нее. Снаружи дверь была самой обычной, если не считать прямоугольного пятна, оставшегося от снятой таблички или наклейки. Конечно, меня постоянно подмывало заглянуть в эту дверь, узнать, что за ней скрывается. Но до сей поры я держалась, не поддавалась искушению, причем не столько из благородства, сколько из предосторожности. Просто мне запомнилось, как нервно и недобро реагировал Локвуд, когда я пару раз просто мельком упомянула об этой комнате.

Ну, ладно. А что сказать обо мне, Люси Карлайл, самом молодом (по стажу работы) компаньоне? Насколько сильно я изменилась за последний год?

Внешне, пожалуй, почти не изменилась. Прическа осталась прежняя – конский хвост, защищающий шею от брызг эктоплазмы. Стройнее я за этот год не стала, симпатичнее тоже. И совсем не выросла. Я оставалась по-прежнему скорее пылкой, чем искусной, когда дело доходило до фехтования, и очень хотела стать такой же блестящей исследовательницей, как Джордж.

Но внутри я изменилась, и очень сильно. Тот год, что я проработала в агентстве «Локвуд и Компания», придал мне уверенность в себе. Я теперь, когда шла по улице с рапирой на поясе и маленькие дети, широко раскрыв рот, глазели на меня, а взрослые уважительно кивали и уступали мне дорогу, я не просто знала, что занимаю особое положение в обществе, – я искренне начала верить, что заслуживаю его.

Быстро прогрессировал и мой Дар. Внутренний слух, и без того острый, стал еще острее. Теперь я слышала шепот призраков Первого типа и речевые фрагменты призраков Второго типа, совершенно безмолвные для меня призраки становились все более редким исключением. Развилось и мое сверхъестественное Осязание. Прикосновение к предметам доносило до меня эхо давних событий, все чаще я интуитивно чувствовала намерения каждого конкретного призрака и порой могла даже предсказать его действия.

Такие способности, как у меня, встречаются очень редко, однако и их, и все остальное перевешивала сейчас загадка, нависшая над всеми обитателями дома 35 по Портленд-Роу, и в первую очередь надо мной. Семь месяцев назад случилось нечто, отделившее меня от Локвуда и Джорджа и от всех других агентов, с которыми мы конкурировали. С того времени мой Дар стал центральной точкой экспериментов Джорджа и главной темой наших разговоров. Локвуд даже верил в то, что событие, о котором идет речь, может стать основой нашего будущего благосостояния и сделает нас самым прославленным агентством во всем Лондоне.

Правда, сначала нужно было разрешить одну частную проблему.

Эта проблема стояла на столе Джорджа в толстой стеклянной банке, прикрытой куском черной ткани.

Проблема была опасной, зловещей и, возможно, способной навсегда изменить мою жизнь.

Это был череп.

4

К этому времени Джордж уже покинул фехтовальный зал и ушел в наш главный офис. Я взяла свою чашку с чаем и отправилась следом. Вошла в офис, пробираясь между кипами старых газет, мешков с солью, аккуратно сложенных цепей и коробок с серебряными печатями. Сквозь выходящее в наш маленький дворик окно офиса лился солнечный свет, в его лучах вспыхивали подвешенные в воздухе пылинки. На столе Локвуда, между мумифицированным сердцем и коробочкой с леденцами, лежал наш гротеск в черной кожаной обложке. В него мы вносили отчеты о каждой проделанной нами работе. Вскоре туда же придется записать отчет о расследовании Уимблдонских Рейзов.

Джордж стоял возле своего стола и мрачно смотрел на него. Да, на моем собственном столе тоже частенько царил беспорядок, но то, что сегодня творилось на столе Джорджа... Это было нечто. На нем валялись груды сожженных спичек, лавандовые свечи, повсюду виднелись застывшие лужицы расплавленного воска, мотки перепутанной проволоки, батарейки, извлеченные из лежащего рядом распотрошенного электрического нагревателя. В углу стола приткнулась опрокинутая набок паяльная лампа.

А на противоположном от нее краю стола стояло еще кое-что, скрытое под куском черной атласной ткани.

- Нагреватель не работает? Давай посмотрю, - предложила я.

- Нет, - ответил Джордж. - Пустой номер. Совсем не греет. Я сегодня собираюсь выставить его на солнечный свет, посмотреть, расшевелит он его или нет, - продолжил он, глядя на прикрытый тряпкой предмет.

- Думаешь, расшевелит? Раньше дневной свет на него не действовал.

- Но он и таким ярким не был. Ближе к полудню отнесу его в сад.

Я стояла, легонько барабаня пальцами по столешнице. Потом решилась наконец сказать Джорджу то, о чем давно думала:

- Но ты же знаешь, что от солнечного света ему больно. Он обжигает плазму.

- Ну разумеется, - кивнул Джордж. - Так и задумано.

- Да, но это вряд ли заставит его стать разговорчивей. То есть я хочу сказать, не думаешь ли ты, что это может только ухудшить положение? Насколько я вижу, все твои методы воздействия предполагают причинение боли, так?

- И что из того? Это же Гость. Между прочим, кто-нибудь может доказать, что Гости в самом деле способны чувствовать боль? - Джордж сдернул черную тряпку, и под ней оказалась стеклянная банка - цилиндрическая, по размеру чуть большая, чем обычная офисная мусорная корзинка для бумаг. Сверху банка была закупорена сложной по устройству пластиковой крышкой, из которой торчали многочисленные вертлюжки[1 - Соединительное приспособление, элемент рыболовной снасти.] и фланцы[2 - Специальные детали с отверстиями, служащие для соединения труб.]. Джордж наклонился над банкой и отвернул один из верхних клапанов крышки - показалась впаянная в пластик клапана мелкая металлическая сетка - и проговорил прямо в эту сетку:

- Эй, на палубе! Люси полагает, что ты испытываешь дискомфорт. А я с ней не согласен! Потрудишься ответить, кто из нас прав!

Он подождал. Вещество в банке оставалось темным и неподвижным. В середине этого мрака угадывалось что-то выпуклое.

- День, - сказала я. - При таком свете он, конечно, не захочет отвечать.

- Из-за вредности он не хочет отвечать, - буркнул Джордж, опуская на место клапан. - По своей злобной натуре. Именно так ты сама выразилась после того, как он заговорил с тобой.

– Если честно, откуда нам знать, что у него за натура? – заметила я, глядя на темную тень за стеклом банки. – Что мы вообще о нем знаем?

– Ну, знаем, например, его предсказание о том, что всех нас ждет смерть.

– Нет, Джордж, он сказал «Смерть приближается», а это не одно и то же.

– По-любому, это вряд ли признание в добрых чувствах к нам, – хмыкнул Джордж, начиная сгребать разбросанное электрооборудование в большую коробку, стоящую рядом с его креслом. – Как ни крути, он настроен к нам враждебно, Люси. Так что нечего с ним миндальничать.

– Я и не собираюсь этого делать. Просто думаю, что пытками ничего не добьешься. Нужно укрепить его связь со мной как-то иначе.

– Мм... Ну да, – уклончиво промычал Джордж. – Укрепить вашу таинственную связь.

Мы стояли и смотрели на банку. В обычном дневном свете, как сегодня, стекло выглядело толстым и слегка голубоватым. Но при лунном свете или искусственном освещении стекло приобретало серебристый оттенок, как и положено устойчивому к воздействию потусторонней силы серебряному стеклу, которое производит корпорация «Санрайз».

За стеклом, как в тюрьме, в банке сидел призрак.

Что это за призрак, чей он – это нам было неизвестно. Мы знали лишь, что это призрак человека, чей череп сейчас привинчен к доньшку банки.

Это был желтовато-коричневый, поцарапанный, но в целом самым обыкновенный череп. Судя по размеру, он принадлежал взрослому, но мужчине или женщине, сказать было сложно. Внутри банки сидел магическим образом привязанный к этому черепу призрак. Чаще всего он манифестировал себя как плавающее облачко мутной зеленоватой плазмы. Иногда – причем в самый неподходящий момент – например, когда вы проходите мимо банки с чашкой горячего чая в руке или спешите по малой нужде в туалет, – плазма внезапно принимала вид гротескного полупрозрачного лица с носом картошкой, выпученными глазами и

широким лягушачьим ртом. Лицо начинало злобно пялиться на всех, кто в это время находился в комнате. Однажды – правда, лишь по голословному утверждению Джорджа – призрак даже начал посылать воздушные поцелуи. Довольно часто казалось (и это видели все мы), что призрак пытается заговорить. Именно эта загадочная тяга призрака к общению и была главной причиной, по которой Джордж постоянно держал банку на своем столе.

Гости, как правило, не разговаривают – во всяком случае, более или менее осмысленно. Большинство из них – Тени, Луркеры, Холодные Девы, Сталкеры и прочие представители Первого типа – практически безмолвны, если не считать очень ограниченного, бесконечно повторяющегося набора стонов и вздохов. Призраки Второго типа, более сильные и опасные, иногда могут произнести несколько более или менее вразумительных слов, которые способны уловить экстрасенсы с хорошо развитым, как у меня, внутренним Слухом. Как правило, эти слова тоже повторяются по кругу словно пластинка и практически никогда не меняются. Обычно слова призраков выражают самое сильное чувство, пережитое этим духом во время его земной жизни, – страх, гнев, страстное желание отомстить. Нормально призраки говорить и общаться не могут, за исключением легендарныхGuestов Третьего типа.

Еще давным-давно Марисса Фиттис – одна из первой пары британских исследователей-парапсихологов – объявила, что ей иногда встречались призраки, с которыми она могла общаться. Об этом Марисса упомянула в нескольких своих книгах, намекая (к сожалению, она никогда не утруждала себя подробностями и деталями) на то, что в ходе этих бесед призраки поделились с нею целым рядом удивительных тайн, имеющих отношение к смерти, душе и перемещению между мирами – нашим и загробным. После смерти самой Мариссы многие исследователи пытались повторить ее опыты, некоторые даже утверждали, что им это удалось, однако представить доказательства никто из них не смог. Большинство агентов верят в существование призраков Третьего типа, однако считают, что встретить их очень сложно, почти невозможно. Лично я тоже всегда верила в существование Guestов Третьего типа.

А потом сидящий в банке призрак – тот самый, с уродливым лицом – заговорил со мной.

В тот момент я находилась в цокольном этаже одна. В темноте я ударилась об эту банку, от удара один из лепестков крышки повернулся на своем шарнире, и обнажилась впаянная в пластик металлическая сетка. А затем я услышала –

внутренним слухом, разумеется – голос призрака. Он говорил со мной вполне осмысленно и связно, обращался ко мне по имени и сообщил ряд вещей – очень неприятных, смутно намекая на то, что ко всем нам приближается смерть. Затем я опустила клапан на место, и наш разговор прервался.

Возможно, мне не нужно было тогда так резко обрывать беседу, потому что с тех пор призрак ни разу со мной не заговорил.

Когда я рассказала о заговорившем призраке Локвуду и Джорджу, они поначалу загорелись, помчались вниз, вытащили банку из кладовки, подняли клапан – сидящее за стеклом лицо не произнесло ни слова. Мы принялись экспериментировать: поворачивали клапан под разным углом, пробовали заговорить с призраком то днем, то ночью, часами просиживали рядом с банкой в ожидании... Призрак молчал. Время от времени он превращался, как раньше, в лицо, злобно тарасил на нас глаза и... молчал.

Это было большим разочарованием для всех нас, правда, по разным причинам. Если бы можно было доказать факт общения с призраком, Локвуд вполне мог рассчитывать поднять престиж нашего агентства, Джордж представлял, сколько бесценной информации и удивительных вещей можно узнать, общаясь с выходцем из потустороннего мира. Для меня же стал потрясающим откровением потенциал моего Дара. Он пугал меня, рождал дурные предчувствия, и в глубине души я даже была рада, что мое общение с призраком не возобновляется. Но при этом я была и разочарована тоже. Всего один короткий разговор с призраком, и оба они – Локвуд и Джордж – стали смотреть на меня с восторгом и уважением. Если бы мне удалось повторить такой «сеанс связи», это, несомненно, сразу сделало бы меня самым прославленным агентом во всем Лондоне. Но призрак, скотина, упрямо продолжал молчать. Шли недели и месяцы, и я все чаще начинала сомневаться в том, что тот разговор действительно имел место.

Практичный Локвуд в конце концов переключил свое внимание на другие вещи, хотя, начиная новое расследование, каждый раз интересовался, не слышу ли я какие-нибудь голоса.

Что касается Джорджа, то он продолжал возиться с черепом, не теряя надежды «разговорить» его. Неудачи Джорджа ничуть не огорчали, напротив, только подстегивали его любопытство.

Вот и сейчас я заметила, как остро блестят за стеклами очков глаза Джорджа, когда он рассматривает молчащую банку.

– Совершенно очевидно, что он ощущает наше присутствие, – бормотал он себе под нос. – В определенном смысле эта тварь понимает все, что происходит вокруг. И знает, как тебя зовут. И меня тоже – ты сама мне об этом говорила. Следовательно, он способен слышать звуки сквозь стекло.

– Или умеет читать по губам, – заметила я. – Мы часто разговариваем, стоя рядом с неприкрытой банкой.

– Хм... Возможно, – кивнул Джордж. – Кто знает, может, и по губам... Столько вопросов! Почему он в этой банке? Чего он хочет? Почему он тогда заговорил с тобой? Я вожусь с этим приятелем уже несколько лет, но со мной он почему-то ни разу не попытался заговорить.

– Ну, с этим все более или менее понятно, у тебя же нет этого Дара – Слышать, – сказала я, постукивая ногтем по стеклянному боку банки. – А сколько времени у тебя эта банка, Джордж? Ведь ты ее украл, верно? Только я забыла, где и как.

Джордж грузно опустился в свое кресло – оно затрещало под его тушей.

– Это было, когда я еще служил в агентстве «Фиттис», незадолго до того, как меня вышвырнули оттуда за непокорность и дурной характер. Я работал в офисе «Фиттис Хаус» на Стрэнде. Бывала когда-нибудь там?

– Только на собеседовании.

– Огромное здание, – сказал Джордж. – На первом этаже знаменитая приемная, куда люди приходят за помощью. Стелянные будки, в которых регистраторы обстоятельно беседуют с просителям. Конференц-залы, где выставлены легендарные реликвии агентства. Обшитый панелями из красного дерева зал заседаний с окнами на Темзу. Помимо этого в здании множество тайных помещений и хранилищ, о которых широкой публике не известно. Доступ в них закрыт даже для большинства рядовых агентов. Например, Черная библиотека, где под семью замками хранится оригинальное собрание книг Мариссы. Я всегда мечтал побывать там, но увы... Однако больше всего интересовавшие меня вещи находились в подземных хранилищах. Подвальные этажи в «Фиттис» глубокие и

необъятные, говорят, они тянутся под Темзой до противоположного берега, а там уходят еще дальше. На моих глазах старшие инспекторы заходили в идущие на подземный уровень специальные служебные лифты, а несколько раз я даже видел банки вроде нашей, которые они ввозили в лифты на тележках.

Я пару раз спросил, что это за банки и куда их везут. Мне сказали, что в банках заточены призраки, а везут их в особо защищенное подземное хранилище для опасных Гостей, где они будут находиться до тех пор, пока их не переправят для сожжения в печи, расположенные на самом нижнем уровне.

– Печи? – переспросила я. – Но печи «Фиттис» находятся в Клеркенвелле, разве не так? Это всем известно, и все агентства пользуются ими. Зачем же «Фиттис» еще одни печи, под землей?

– Я думал об этом, – ответил Джордж. – Я много о чем передумал тогда. И меня все сильнее раздражало, что я задаю вопросы, но не получаю на них ответа. Наконец я стал так назойлив, что меня выгнали. Моя начальница, женщина по имени Суини, с лицом, похожим на вымоченный в уксусе старый носок, дала мне час, чтобы я очистил свой стол и проваливал. Я стоял возле стола, собирал в картонную коробку свое барахло и тут увидел, как к лифту толкают тележку с двумя или тремя призрак-банками. В эту минуту служащего, который вез тележку, кто-то окликнул, и он отошел. Ну что мне оставалось делать? Разумеется, я подобрался к тележке, схватил первую попавшуюся банку и сунул в свою коробку. Спрятал под старым джемпером и вынес прямо под носом у Суини! – Джордж мечтательно улыбнулся, вспоминая свой триумф. – Откуда мне было знать, что в этой банке сидит чистопородный Гость Третьего типа?

– Если это действительно Третий тип, – неуверенно заметила я. – Он заговорил ненадолго один раз за много лет и снова замолчал. Может быть, это какой-то ненастоящий Третий?

– Не беспокойся, мы найдем способ заставить его снова заговорить, – заверил меня Джордж, протирая очки футболкой. – Мы должны его заставить. Слишком уж высока ставка, Люси. Проблема возникла полвека назад, а мы все еще почти ничего не знаем о природе призраков. Повсюду, куда ни взгляни, нас окружают загадки и тайны.

Я рассеянно кивнула. Рассеянно потому, что, подобно Джорджу, слишком легко позволяла своим мыслям разлетаться во все стороны. Сейчас я отрешенно смотрела на пустой чистый стол Локвуда. На куртку, оставленную им на спинке старого потрескавшегося кресла.

– Кстати, о тайнах, – медленно сказала я. – О тех, что рядом с нами. Тебе когда-нибудь хотелось узнать, что прячется за запретной дверью на лестничной площадке?

– Нет, – повел плечами Джордж.

– Не верю.

Он немного посопел носом, затем кивнул:

– Ну конечно хотелось. Но нельзя. Не наше дело.

– Мне тоже очень интересно, что бы там могло быть. Локвуд так ревниво относится к этой своей тайне. На прошлой неделе я просто вскользь упомянула о той комнате, так он мне чуть голову не откусил.

– И это лишний раз напоминает, что лучше всего выбросить ту комнату из головы, – сказал Джордж. – В конце концов, это не наш с тобой дом, и если Локвуд хочет что-то сохранить в тайне, это его право. На твоём месте я постарался бы забыть обо всем этом.

– Просто я думаю, что нельзя быть таким скрытным, как Локвуд, – бесхитростно заметила я. – Это даже стыдно.

– Ну, давай, давай, – скептически хмыкнул Джордж. – Ты обожаешь загадочную ауру, которая окружает Локвуда. А еще млеешь, когда он напускает на себя отсутствующий вид, будто решает какие-то глобальные проблемы или придумывает сногшибательный план. И не говори мне, что это не так. Я-то знаю.

– Что ты хочешь всем этим сказать? – уставилась я на Джорджа.

– Ничего.

– Все, что я хотела сказать... По-моему, Локвуд не прав в том, что держит все в себе, – сказала я. – Мы же его друзья, разве не так? Значит, он не должен ничего таить от нас. Это заставляет меня думать, что...

– Что думать, Люси?

Я резко обернулась. На пороге стоял Локвуд – умытый, переодевшийся, с влажными после душа волосами. Его темные глаза смотрели прямо на меня. Интересно, давно ли он стоит на пороге и как много успел услышать?

Я ничего не ответила, лишь почувствовала, что густо краснею. Джордж сделал вид, что усердно прибирается на своем столе.

Какое-то время Локвуд продолжал смотреть мне в глаза, потом отвел взгляд в сторону. Только теперь я заметила в его руках какой-то маленький прямоугольный предмет.

– Я спустился сюда, чтобы показать вам вот это, – сказал Локвуд. – Это приглашение.

Локвуд швырнул предмет через комнату – он прошелестел по воздуху мимо протянутой руки Джорджа, скользнул по поверхности его стола и замер прямо передо мной. Небольшой кусок картона – жесткого, серебристо-серого и блестящего. На верхнем краю карточки герб – вставший на дыбы единорог с зажженным фонарем в высоко поднятом переднем копыте. Ниже – логотип:

АГЕНТСТВО «ФИТТИС»

Госпожа Пенелопа Фиттис и исполнительный совет агентства «Фиттис» приглашает

Энтони Локвуда, Люси Карлайл и Джорджа Каббинса

На празднование 50-летия образования нашей компании, которое состоится в Фиттис Хаус, на Стрэнде, в субботу, 19 июня, в 20.00

Форма одежды: смокинг, черный галстук-бабочка

Развоз гостей по домам в 1 час ночи

ПППП (Просьба письменно подтвердить приглашение)

Я тупо смотрела на карточку, забыв про свое смущение:

- Пенелопа Фиттис? Приглашает нас на прием?

- И не просто на какой-нибудь прием, - подчеркнул Локвуд, - а на торжественный. На прием года. Там будут все, кто что-то собой представляет.

- В таком случае, почему они решили пригласить нас? - спросил Джордж, глядя на карточку через мое плечо.

- Потому что мы стали достаточно известным агентством, - обиженным тоном ответил Локвуд. - А также потому, что Пенелопа Фиттис очень дружелюбно относится к нам. Вы же помните, мы нашли в Кум Кэри Холл тело ее друга детства. У подножия Кричащей лестницы. Как бишь его звали? Сэм... Сэм... Одним словом, она была нам благодарна и написала об этом в письме. А может быть, на нее произвели впечатление и новые, недавние наши успехи.

Я подняла брови. Пенелопа Фиттис, глава агентства «Фиттис» и внучка первой великой исследовательницы-парапсихолога Мариссы Фиттис, входила в число самых влиятельных людей страны. Ее порог обивали министры, любое ее высказывание о Проблеме немедленно публиковалось во всех газетах и обсуждалось на каждом углу. Она редко покидала свои апартаменты на верхних этажах Фиттис Хаус и, как говорят, железной рукой управляла своим агентством. Я очень сомневалась, что она могла интересоваться тем, как идут дела у «Локвуд и Компания». Мне казалось, Пенелопа Фиттис вообще не знала о нашем существовании.

Но в то же время она прислала нам приглашение – вот оно.

– Девятнадцатое июня, – пробормотала я себе под нос. – Это же ближайшая суббота.

– Так мы... пойдём? – спросил Джордж.

– Ещё бы! Разумеется, пойдём! – ответил Локвуд. – Это прекрасная возможность обзавестись новыми полезными знакомствами. На этом приеме будут главы всех агентств, все большие шишки из ДЕПИК, руководители соляных и железных компаний, может быть даже председатель корпорации «Санрайз». Другого шанса увидеть их у нас просто не будет.

– Прелестно, – наморщил свой нос Джордж. – Провести весь вечер в душной пропотевшей комнате, переполненной десятками старых, жирных, скучных деловых людей... Что может быть лучше? Предложите мне на выбор пойти на этот прием или сразиться с Бледной Вонью, и я предпочту встретиться с пукающим призраком.

– Ты стал недалёковидным, Джордж, – неодобрительно покачал головой Локвуд, – и слишком много времени проводишь с этой штуковиной, – он наклонился вперед и точь-в-точь как я перед этим пощелкал ногтем по толстому стеклу призрак-банки. Стекло отозвалось тонким нестройным звуком. Масса внутри банки колыхнулась, но тут же успокоилась вновь. – Это небезопасно, а ты буквально не расстaeшьсe с этой стекляшкой.

– Не согласен, – нахмурился Джордж. – В данный момент для нас нет ничего важнее этой, как ты выразился, стекляшки! Если довести расследование до конца, это может стать настоящим прорывом в понимании природы призраков. Только представь – если мы научимся заставлять мертвых говорить по нашему требованию, отвечать на наши вопросы...

Зажужжал висящий на стене зуммер – это значит, что кто-то нажал кнопку звонка, стоя у нашей входной двери.

– Кто бы это мог быть? – поморщился Локвуд. – По-моему, мы ни с кем не договаривались.

– Может, рассыльный из бакалейной лавки? – предположил Джордж. – Принес нам фруктов и овощей на неделю?

– Нет, – покачала я головой. – Рассыльный от бакалейщика должен прийти завтра. А сейчас это, наверное, наш новый клиент.

– Так чего же мы ждем? – сказал Локвуд, пряча в карман приглашение от Пенелопы Фиттис. – Поднимись и посмотри, кто там.

5

На визитных карточках были напечатаны их имена: мистер Пол Сандерс и мистер Альберт Джоуплин. Спустя десять минут двое этих джентльменов уже сидели в нашей гостиной с чашками чая в руках.

Старшим в этой паре явно был мистер Сандерс. На визитной карточке его должность была обозначена как «муниципальный производитель земельных работ». Высокий, худой, с торчащими во все стороны коленями и локтями, он с трудом втиснулся на наш диванчик и разгладил свой древний, сильно потертый серо-зеленый дешевый костюм. Лицо у мистера Сандерса, с широкими высокими скулами, было красным и задубевшим от ветра. Он почтительно улыбался, поглядывая на нас своими узкими глазками, наполовину скрытыми длинной, жидкой седой челкой. Прежде чем взять предложенную ему чашку чая, мистер Сандерс снял с головы свою потертую фетровую шляпу и аккуратно положил ее на колени. Над полями шляпы сверкнула прикрепленная к тулье серебряная заколка-оберег.

– Очень хорошо, что вы согласились принять нас без лишних проволочек, – сказал мистер Сандерс, по очереди кивнув каждому из нас. Локвуд сидел в своем любимом кресле, мы с Джорджем пристроились за столом у окна, держа наготове бумагу и ручки. – Очень хорошо, честное слово. Вы первое агентство, куда мы отправились сегодня с утра, и, честно говоря, не надеялись, что нам сразу так повезет.

– Приятно слышать, что мы оказались первыми в вашем списке агентств, мистер Сандерс, – тепло сказал Локвуд.

– По правде сказать, ваше агентство самое ближнее к нашим складским помещениям, мистер Локвуд, а я человек деловой, занятой. Вот уже пятнадцать лет я руковожу фирмой «Сладкие сны. Земляные работы и расчистка», главная контора на Кингс Кросс. А это мой помощник, мистер Джоплин, – он кивнул своей тяжелой головой в сторону сидящего рядом с ним маленького человечка, до сих пор не проронившего ни слова. У мистера Джоплина под мышкой была огромная кипа небрежно сложенных бумаг, а сам он, широко раскрыв глаза, рассматривал сейчас расставленные на полках азиатские (или африканские?) амулеты против злых духов. – Мы надеемся на то, что вы сможете оказать нам некоторую услугу сегодня ночью, – продолжил мистер Сандерс. – Разумеется, у меня есть хорошая дневная бригада, которая уже работает: землекопы, осветители, эксгуматоры... плюс обычный ночной наряд. Но сегодня нам понадобится помощь настоящих агентов.

Он подмигнул нам так, будто уже уладил все свои проблемы, и шумно отхлебнул чаю. На лице Локвуда, как приклеенная, сохранялась вежливая, но безучастная улыбка.

– Вот как, – сказал он. – И чего же конкретно вы от нас хотите? Где? Когда?

– О, вы, я вижу, человек дела. Это хорошо. Я сам такой же. – Сандерс откинулся назад, вытянул руку вдоль верхнего края спинки дивана. – Сейчас мы работаем на кладбище Кенсал Грин, это на северо-западе Лондона. Производим зачистку. В рамках новой правительственной программы по ликвидации АО.

– Ликвидации чего? – моргнул Локвуд. – Простите, я, наверное, не расслышал.

– АО. Активные останки. Проще говоря, Источники. Изымаем их из старых захоронений, которые признаны небезопасными и могут представлять угрозу для окружающей местности.

– А, как в случае с Ползуном из Степни! – сказала я. – Помните, в прошлом году?

Тот Ползун был фантазмом, вылезшим из могилы на кладбище при церкви в Степни. Оттуда Гость выполз на дорогу и за две последующие ночи убил

пятерых местных жителей. На третью ночь оперативники из агентства Ротвелла загнали призрак обратно в могилу, а саму могилу разрушили с помощью направленного взрыва. Происшествие получилось довольно громким, причем не столько из-за жертв, сколько из-за того, что прилегающая к церкви территория официально считалась совершенно безопасной.

- Верно, дочка! - улыбнулся мне мистер Сандерс. - Страшное было дело. Но что поделаешь, Проблема есть Проблема. То и дело из всех щелей новые Гости появляются. Той могиле в Степни было три сотни лет. Доставляла она все это время кому-нибудь беспокойство? Нет. А тут раз - и на тебе, пожалуйста. Потом, правда, сумели докопаться, что человек, который лежал в той могиле, умер не своей смертью - убили его. Ну, а души такого рода мертвецов, как известно, покоя не знают. Вот правительство и приняло программу по проверке всех кладбищ на предмет захоронений тех, кто умер насильственной или страшной смертью, самоубийц и прочих. Наша фирма «Сладкие сны» занимается сейчас этим на кладбище Кенсал Грин.

- Большое кладбище, - заметил Джордж. - И много вы там могил уже раскопали?

- Каждый день зачищаем по несколько участков, - почесал свой щетинистый подбородок Сандерс. - Раскопать могилу несложно, весь фокус в том, чтобы найти могилу, которая может представлять опасность. А такие поиски приходится вести по ночам, когда потусторонние эманации становятся сильнее. Этим занимаются специальные ночные поисковые бригады. Они помечают подозрительные могилы желтой краской. А наутро приходим мы, раскапываем такую могилу и вынимаем из нее кости и что там еще осталось от покойника.

- Ночные поиски на кладбище. Это довольно опасная работа, - сказал Локвуд. - Кто у вас ею занимается?

- Группа ребяташек из ночной стражи да еще несколько внештатных телепатолов-любителей. Плюс несколько взрослых мужчин, которые должны загнать покойника назад в могилу, если высунется. Платим мы всем им хорошо, а клиенты у нас в основном так... мелочь. Тени, Луркеры, другие Гости Первого типа. Второй тип попадаетея крайне редко. А профессиональных агентов приглашаем заранее только тогда, когда ожидается действительно серьезная опасность.

– Интересно, откуда вы заранее узнаете о том, что ожидается серьезная опасность? – нахмурился Локвуд. – Не понимаю.

– А для этого у нас есть Джоплин, – подмигнул мистер Сандерс и двинул своего компаньона острым локтем под ребра. Маленький мистер Джоплин дернулся, выронил на пол добрую половину своих документов и принялся их подбирать. Сандерс же, нетерпеливо следя за Джоплином, тем временем продолжил: – Альберт для нас человек незаменимый... Ну, собрал? Тогда давай расскажи им, чем ты занимаешься.

Мистер Альберт Джоплин выпрямился и посмотрел на нас, по-детски моргая глазами. Он был моложе Сандерса – лет сорок с небольшим, по моим прикидкам, – но такой же неопрятный и неухоженный. Его волнистые каштановые волосы уже несколько недель не видели расчески. А может, и целый год. Лицо у Джоплина было приятным, но каким-то безвольным, с румяными круглыми щечками и заостренным, выступающим вперед подбородком. Его добрые глаза виновато смотрели сквозь стекла маленьких круглых очков, как две капли воды похожих на очки Джорджа. На мистере Джоплине был мятый, усыпанный на плечах перхотью парусиновый пиджак, клетчатая рубашка и темные, коротковатые ему брюки. Он сидел, опустив свои и без того покатые плечи, нежно обнимая обеими руками кипу своих бумаг.

– Я архивариус, – сказал он. – Помогаю фирме проводить зачистку.

– Понимаю, – кивнул Локвуд. – А каким именно образом?

– Он копает! – крикнул мистер Сандерс, не давая Джоплину ответить. – Он у нас лучший по этой части, верно, Альберт?

Он протянул руку, театральным жестом пощупал хилый бицепс мистера Джоплина и продолжил, весело подмигнув нам:

– А по виду и не скажешь... Ну а если серьезно... Мы, все остальные то есть, выкапываем из земли кости, а Джоплин выкапывает в своем архиве истории. Да что я все за тебя говорю, расскажи им сам, не сиди как пень.

– Да... Ну... – начал Джоплин, нервно поправляя на носу очки. – На самом деле я ученый. Изучаю кладбищенские учетные книги, копаюсь в старых газетах,

стараясь найти захоронения, которые можно отнести к разряду потенциально опасных, – могилы людей, конец которых был трагическим или мрачным. Обнаружив такое захоронение, я сообщаю о нем мистеру Сандерсу, а уж он решает, как ему поступить дальше.

– Как правило, мы зачищаем могилу без проблем, – вставил Сандерс. – Но не всегда.

– Да, – кивнул архивариус. – Два месяца назад мы работали на кладбище Мейда Вейл. Там я натолкнулся на давно заброшенную могилу одной женщины, которую зарезали еще в эпоху короля Эдварда. Камень на этой могиле весь зарос ежевикой, не подобрешься. Один мальчик из отряда ночной стражи принялся срубить ежевику, чтобы можно было вытащить камень, и тут прямо из-под земли выскочил призрак. Жуткого вида серая женщина с перерезанным горлом и выпученными глазами. Бедный мальчишка завизжал, как умирающий кролик. Призрак, разумеется, успел притронуться к нему, но на крик тут же прибежали товарищи мальчика, сделали ему укол, вызвали неотложку. Надеюсь, он поправился, – мистер Джоплин замолчал и печально улыбнулся.

– Простите, – сказал Джордж. – Вы не тот самый Альберт Джоплин, который написал главу о средневековых захоронениях для сборника «История лондонских кладбищ»?

Маленький архивариус заморгал, глаза у него заблестели:

– Да... Да, это я.

– Отличная статья, – сказал Джордж. – Можно сказать, новая страница в истории погребений.

– Как удивительно видеть человека, который читал ее!

– Ваши рассуждения о связях души умершего с местами и предметами нашего мира я нашел очень интересными.

– Правда? Мне эта теория тоже кажется чрезвычайно любопытной, особенно там, где она касается...

Я с трудом сдержала зевок. Как славно было бы сейчас вздремнуть часок-другой! Локвуд тоже начал терять терпение. Он поднял руку, останавливая разворачивавшихся Джорджа и Джоплина, и сказал:

– А теперь позвольте мне узнать, какой помощи вы ждете от меня? Мистер Сандерс, потрудитесь перейти к делу...

– С радостью, мистер Локвуд, с радостью! – Муниципальный чистильщик кладбищ прокашлялся и поправил съехавшую с колена шляпу. – Мы с вами деловые люди, понимаю. Итак, последние несколько ночей мы работали в юго-восточной части кладбища. Кенсал Грин кладбище большое и старое, основано в 1833 году. Занимает почти четыре квадратных километра земли в престижной части Лондона.

– На кладбище имеется целый ряд красивых памятников и склепов, – добавил Джоплин. – В основном из белого известняка.

– А там, по-моему, были еще катакомбы? – спросил Джордж.

– Верно, – кивнул Сандерс. – В центре кладбища стоит церковь, под ней начинаются катакомбы. Не так давно их завалили – слишком много риска с этими незакопанными гробами. А наверху могилы располагаются вдоль аллей, изгибающихся между Хэрроу-Роуд и каналом Гранд-Юнион. Большинство захоронений относится к середине Викторианской эпохи, в основном это могилы простых горожан. Аллеи по краям обсажены дающими тень старыми липами. Кладбище считается довольно тихим, Гости тут появлялись очень редко, даже в последние годы.

Мистер Джоплин тем временем рылся в своих бумагах, вытаскивал лист за листом и снова засовывал их в грудку документов, приговаривая себе под нос:

– Если мне только удастся... А, вот он, план юго-восточного угла кладбища! – Он вытащил карту с двумя-тремя нанесенными на нее петляющими тропинками, вокруг которых пестрели маленькие прямоугольники, отмечающие отдельные могилы. К карте был подколот разграфленный лист, испещренный мелкими надписями – список имен. – Я проверял на этом участке захоронения, занесенные в учетные книги, и обнаружил нечто... странное и пугающее. И опасное, как мне кажется.

– Так вот, – перехватил инициативу Сандерс. – Как я уже говорил, мои группы ходили по аллеям, искали следы потусторонних сил. До прошлой ночи все шло гладко, до тех пор, пока мы не начали изучать участки к востоку вот от этого места, – ткнул он грязным пальцем в одну из обозначенных на карте аллей.

– Ну и... – Локвуд нетерпеливо забарабанил пальцами по подлокотнику своего кресла.

– И наткнулись в траве на непредвиденный могильный камень.

Повисла тишина, потом я спросила:

– Как это понять – «непредвиденный»?

– Это захоронение не значится ни в одном из официальных списков, – ответил мне мистер Джоплин, разглаживая листок с написанными от руки именами. – Этой могилы просто не должно там быть.

– Могилу нашла одна из наших экстрасенсов, – сказал Сандерс, и его хитроватое лицо вдруг сделалось очень серьезным. – После этого она сразу же заболела и не смогла продолжать работу. Затем камень пытались осмотреть два других парапсихолога. Обе жаловались после этого на страшную головную боль, при этом одна сказала, будто ей казалось, что за ней кто-то наблюдает, а другая после осмотра камня настолько ослабла, что ее пришлось уводить под руки. При этом обе они не смогли заставить себя приблизиться к камню ближе чем на три метра. Конечно, не мне судить, насколько все это может быть серьезно, – хмыкнул мистер Сандерс. – Вам-то известно, что за народ эти экстрасенсы.

– Известно, – сухо ответил Локвуд. – Я сам экстрасенс.

– А я нет, – продолжил Сандерс. – Ничего такого я не чувствую. Обычный человек. Надеюсь на серебряные обереги. – Он похлопал ладонью по серебряной заколке на своей шляпе. – Поэтому я подошел к камню, наклонился, посмотрел, счистил мох и лишайник. И нашел два выбитых на граните слова, – здесь его голос внезапно упал до шепота. – Два слова.

– Ну, говорите, что это за два слова, – поторопил его Локвуд.

Мистер Сандерс облизнул свои пересохшие губы. Сглотнул. Было видно, до чего ему не хочется говорить.

- Имя, - прошептал он наконец. - Но не просто имя.

Сандерс подался вперед, его длинные колени оказались в опасной близости от стоящих на столике чашек. Локвуд, Джордж и я дружно наклонились ближе к мистеру Сандерсу, в гостиной воцарилась странная атмосфера - любопытство пополам с ужасом. Мистер Джоплин от волнения снова выронил на ковер часть своих бумаг. В небе за окном облако напозло на солнце, в гостиной потемнело.

Мистер Сандерс глубоко вздохнул и заговорил, стремительно переходя от шепота почти на крик:

- Вам о чем-нибудь говорит имя Эдмунд Бикерстаф? - Последние слова эхом разнеслись по гостиной, отражаясь от амулетов для изгнания злых духов.

Потом эхо затихло.

- По чести сказать, ни о чем, - ответил Локвуд.

Мистер Сандерс откинулся на спинку дивана:

- Ну, если откровенно, то я тоже о нем никогда раньше не слышал. Но Джоплину, который любит совать свой нос в дела давно минувших дней, это имя оказалось известно, да еще как. Верно? - Он снова подпихнул маленького архивариуса в бок локтем. - И услышав его, наш Джоплин занервничал.

Мистер Джоплин жалобно хихикнул, копясь в своих разложенных на коленях бумагах.

- Ну, я не то чтобы занервничал, мистер Локвуд, просто насторожился. Предосторожность еще никому не мешала, вы согласны? А о докторе Эдмунде Бикерстафе я уже знал достаточно, чтобы порекомендовать мистеру Сандерсу обратиться за помощью к профессиональным агентам, прежде чем начать раскапывать эту загадочную могилу.

– Следовательно, вы собираетесь раскопать это захоронение? – спросил Локвуд.

– На месте этой могилы наблюдаются сильные проявления потусторонних сил, – сказал Сандерс. – Поэтому мы просто обязаны как можно быстрее обезвредить этот Источник. Желательно сегодня же ночью.

– Простите, – сказала я. Уже давно что-то во всем этом разговоре казалось мне странным. – Если вы знаете, что могила представляет опасность, почему бы вам не раскопать ее, как другие захоронения – днем, при солнечном свете? Почему вам нужно делать это ночью и в нашем присутствии?

– Новая директива ДЕПИК. Мы получили официальное право приглашать агентов для участия в раскопках могил, которые могут содержать Источники, связанные с Гостями Второго типа. Но поскольку эта работа оплачивается из правительственных фондов, эти приглашенные агенты обязаны выполнять свою работу ночью, потому что только так они смогут подтвердить справедливость наших требований.

– Ладно, а кто такой этот Бикерстаф и почему к нему следует относиться с такой опаской? – спросил Джордж.

Вместо ответа Джоплин вновь зарылся в свои бумаги и вскоре выудил из них пожелтевший лист формата А4, развернул его и показал нам. Это оказалась увеличенная фотокопия фрагмента газеты девятнадцатого века с узкими, по тогдашним стандартам, колонками и плотно набранным текстом. В центре листа размещался довольно размытый литографический портрет коренастого волосатого мужчины в рубашке со стоячим воротничком, пышными баками и большими, напоминающими щетку усами. Если не считать неприятно поджатых губ – самый обычный, заурядный джентльмен середины Викторианской эпохи. Под портретом была надпись:

«Хэмпстедский ужас

Ужасная находка на Хэт-Роуд»

– Это Эдмунд Бикерстаф, – сказал Джоплин. – Как следует из этой статьи, опубликованной в «Хэмпстедской газете» в 1877 году, мистер Бикерстаф давным-давно умер. А сейчас, похоже, объявился вновь.

– Расскажите все и поподробнее, – попросил Локвуд. До этой минуты вся его фигура излучала нетерпение, тоску и полное отсутствие интереса. Я видела, что разговор с Сандерсом и Джоплином утомил его. И вдруг в один момент все переменялось. Наш Локвуд ожил, моментально став деятельным и энергичным.

– Еще чаю, мистер Джоплин? Хотите ломтик рулета, мистер Сандерс? Домашний, Люси сама его пекла.

– Благодарю вас, с удовольствием, – ответил мистер Джоплин, осторожно беря ломтик рулета. (Разумеется, я его не пекла, а купила на углу, у Арифа.) – Боюсь, что многие детали, касающиеся жизни доктора Бикерстафа, до сих пор остаются туманными. У меня не было времени как следует покопаться в архивах. Известно наверняка, что он занимался лечением больных с нервными расстройствами в клинике «Зеленые ворота», построенной на краю Хэмпстедской пустоши. До этого Бикерстаф был обычным домашним доктором, но что-то у него пошло не так, случился какой-то скандал, и ему пришлось оставить врачебную практику.

– Скандал? – перебила я. – Какого рода скандал?

– Не совсем ясно. Известно лишь, что за Бикерстафом закрепилась репутация колдуна, черного мага и даже некроманта. Им занялась полиция, но ничего не смогла установить и доказать. Бикерстаф оставил практику в Лондоне и перебрался в частную клинику в Хэмпстеде. Жил здесь же, в служебном доме при клинике. Так продолжалось до одной ночи в конце зимы 1877 года. – Джоплин разгладил бумажный лист своими маленькими белыми ручками, вздохнул и продолжил: – Похоже, что у Бикерстафа были единомышленники, мужчины и женщины. Время от времени они собирались ночью в его доме. По слухам, все эти люди одевались в рясы с капюшонами, зажигали свечи и... Честно говоря, что именно они потом делали, мы не знаем. Когда должны были приехать его гости, Бикерстаф приказывал своим слугам покинуть дом, и они выполняли этот приказ с большим удовольствием, поскольку характер у доктора был несносный. Итак, 13 декабря 1877 года состоялась очередная такая встреча. Слуг отпустили, заплатили им вперед и велели возвратиться через два дня. Как только слуги покинули дом, к нему начали съезжаться экипажи с гостями Бикерстафа.

– Слуг отпустили на целых два дня? – переспросил Локвуд. – Большой срок.

– Да, встреча единомышленников у Бикерстафа предполагалась на весь уик-энд. – Джоплин бросил взгляд на фотокопию. – Но что-то произошло. Согласно «Хэмпстедской газете», следующей ночью несколько санитаров из клиники проходили мимо дома Бикерстафа. В доме было темно и тихо, и санитары решили, что Бикерстаф и его гости уехали. Затем один из них обратил внимание на то, что в окне верхнего, второго, этажа колыхается занавеска. Было ощущение, что кто-то легонько теревит ее снизу.

– Брр! – выдохнула я. – Какой ужас.

– Да, дочка, страшное дело, – кивнул мистер Сандерс, взял еще ломтик рулета и добавил: – Впрочем, все зависит от склада ума. Наш Альберт, например, обожает такие истории. Древние страшилки.

С этими словами он стряхнул крошки со своих коленей на наш ковер.

– Продолжайте, мистер Джоплин, – сказал Локвуд.

– Кто-то из санитаров предложил выломать замок и зайти в дом, другие – помня о репутации доктора Бикерстафа и связанных с ним слухов – предлагали оставить все как есть и уйти восвояси. Пока они так стояли и препирались, занавески начали колыхаться еще сильнее, а затем на внутренней стороне подоконника, за стеклом, показались длинные темные тени.

– Длинные темные тени? – переспросила я. – А это что еще за чертовщина?

– Крысы, – ответил мистер Джоплин, отпивая глоток чая. – Теперь санитарам стало понятно, что это именно крысы теревят занавески. Крыс было много, они шныряли по подоконнику, висли на занавесках, спрыгивали вниз, в темноту. Санитары поняли, что столько крыс собралось в той комнате не просто так, и даже стали догадываться, по какой именно причине это могло произойти. Короче говоря, они выбрали из своих нескольких самых храбрых, дали им свечи, взломали дверь, и разведчики направились на второй этаж. Еще поднимаясь по лестнице, они услышали ужасный мокрый хруст, крысиное повизгивание и щелканье зубов. Думаю, вы можете представить, что они увидели наверху.

Он нервно поправил на носу очки, передернулся и продолжил:

– Я не хотел бы вдаваться в подробности, но то, что они там увидели, им не забыть до самой смерти. Доктор Бикерстаф – или что там от него осталось – лежал на полу своего кабинета. В основном это были обрывки его одежды, все остальное сожрали крысы.

Джоплин замолчал. Мистер Сандерс шмыгнул носом и сказал:

– Вот так закончил свою жизнь доктор Бикерстаф. Превратился в горсточку окровавленных костей и тряпок. Жуть. Там остался последний ломтик рулета, кто-нибудь хочет его?

– Нет-нет, пожалуйста, берите, – в один голос откликнулись мы с Джорджем.

– Отличный рулет, – сказал мистер Сандерс, откусывая кусочек. – Сладкий.

– Как вы можете догадаться, полицейские очень хотели расспросить сообщников доктора, – продолжил мистер Джоплин. – Но, разумеется, никого не нашли. На том, собственно говоря, и закончилась история Эдмунда Бикерстафа. Несмотря на ужасные обстоятельства смерти доктора и окружавшие его при жизни слухи, вскоре о нем все забыли. Клиника «Зеленые ворота» в начале двадцатого века сгорела, имя доктора стерлось из памяти людей, и судьба его останков была никому не известна.

– Но вам известно, где эти останки находятся сейчас, – сказал Локвуд, – и вы хотите, чтобы мы обезвредили их.

Мистер Сандерс кивнул. Он покончил с рулетом и в данный момент вытирал липкие пальцы о свои брюки.

– Все это очень странно, – сказала я. – Как могло случиться, что никто не знал о месте захоронения останков Бикерстафа? Почему его могилы нет в регистрационных списках кладбища?

– И кто или что на самом деле убило доктора? – добавил Джордж. – Крысы или что-то другое? В этом деле слишком много оборванных нитей. Статья, которую

вы нам показали, – всего лишь верхушка айсберга, как я понимаю. Вся история Эдмунда Бикерстафа буквально требует, чтобы ее расследовали до конца.

– Целиком и полностью с вами согласен, – закивал Альберт Джоуплин. – Вы буквально читаете мои мысли, юноша.

– Исследования – не главное, – возразил мистер Сандерс. – То, что лежит в этой могиле, доставляет беспокойство и неприятности окружающим, и я хочу поскорее от этого избавиться. Моя задача – сегодня же ночью очистить кладбище от этой дряни. Если вы примете мое предложение участвовать в ночной операции, мистер Локвуд, буду вам весьма признателен. Что скажете?

Локвуд взглянул на меня, затем на Джорджа. Мы ответили ему горящими возбужденными взглядами.

– Мистер Сандерс, – сказал Локвуд. – Мы с радостью принимаем ваше предложение.

6

На закате того же дня Локвуд, Джордж и я подошли к западным воротам кладбища Кенсал Грин со своими новенькими посеребренными итальянскими рапирами на поясе и тяжеленными дорожными сумками в руках. У нас за спиной заходило солнце, опускалось к горизонту сквозь легкие облачка, окрашивая их в нежный розовый цвет – заканчивался еще один чудесный летний день. Закат был прекрасен, однако настроение у нас было довольно мрачным, и все были напряжены – впереди нас ждала не самая легкая и приятная работа.

Большие лондонские кладбища, из которых Кенсал Грин было самым старым и красивым, напоминали о давно ушедшем времени, когда живые сохраняли добрую, мирную связь с умершими. В Викторианскую эпоху кладбища с их тенистыми деревьями и ухоженными аллеями воспринимались как место, где можно отдохнуть душой от суеты столичной жизни. Резчики по камню соревновались друг с другом в создании изящных оригинальных надгробий. На клумбах росли розы, на подстриженных лужайках среди могил пестрели

полевые цветы. В воскресенье горожане приезжали на кладбище всей семьей, чтобы вспомнить своих усопших родственников и подумать о бренности земного бытия.

Те времена давно прошли. Проблема изменила все. В наши дни кладбища заросли бурьяном, розы задушил дикий терновник. Редко кто из взрослых появлялся здесь среди дня, а ближе к вечеру кладбища становились местом, которое каждый человек старался обходить стороной. Хотя подавляющее большинство мертвецов по-прежнему мирно спали в своих могилах, даже вооруженные до зубов агенты с крайней неохотой брались за работу на кладбищах. Это была вражеская территория, на которой любой живой человек чувствовал себя нежеланным гостем.

Когда-то западные ворота были достаточно широки, чтобы сквозь них на Хэрроу-Роуд могли выехать бок о бок друг с другом сразу два конных экипажа. Теперь кладбище с внешней стороны было обнесено новой, дополнительной изгородью – неряшливой, с торчащими из нее железными шипами и густо оклеенной выцветшими плакатами и написанными от руки объявлениями. Чаще других здесь попадался плакат с улыбающейся женщиной в блузке и строгой юбке до колена. Широко раскрыв глаза, она стояла с раскинутыми для объятия руками. За спиной женщины на плакате было написано: «Братство раскрытых рук. Мы приветствуем наших друзей с той стороны».

– Лично мне, – сказала я, – больше нравится приветствовать «друзей с той стороны» магниевыми вспышками.

У меня, как всегда перед расследованием, свело желудок. Меня бесила улыбающаяся с плаката женщина.

– Эти культы призраков рассчитаны только на идиотов, – согласился Джордж.

В изгороди была узкая входная дверь на петлях, а за ней сторожка – хилое сооружение из гофрированного железа. Внутри сторожки обнаружили стол, груда пустых жестяных банок из-под безалкогольных напитков и читающий газету мальчишка.

На голове у него красовалась гигантских размеров бейсболка в яркую желтую клетку, почти целиком скрывавшая лицо. Стандартная грязно-коричневая

униформа говорила, что этот любитель газет служит в ночной страже. В углу сторожки стояла и его палка с железным наконечником. Когда мы вошли, мальчишка вопросительно посмотрел на нас.

– «Локвуд и Компания», мы здесь по приглашению мистера Сандерса, – сказал Локвуд. – Можешь не вставать, сиди.

– Я и не собираюсь вставать, – ответил мальчишка. – А вы кто? Экстрасенсы, наверное?

– Видишь эту штуквину? – спросил Джордж, похлопывая по эфесу своей рапиры. – Мы агенты.

– Да ладно, – с сомнением ответил мальчишка. – Бросьте меня дурачить. Агенты! А униформа ваша где?

– Мы не нуждаемся в униформе, – веско заметил Локвуд. – Рапира – вот визитная карточка любого агента.

– Чушь собачья, – возразил знаток униформы. – Настоящие агенты всегда одеты в одинаковые куртки, штаны и все такое прочее, как эти задаваки из «Фиттис», например. А если у вас нет униформы, значит, вы просто еще одна команда задрипанных экстрасенсов, которые падают в обморок при виде какого-нибудь дешевого Луркера, – он снова углубился в свою газету, сердито зашелестел страницами и бросил нам сквозь зубы: – Ладно, так и быть, проходите.

Локвуд моргнул. Джордж сделал полшага вперед.

– Рапиры нужны агентам не только для того, чтобы сражаться с призраками, – вкрадчивым тоном начал он. – Рапирами очень удобно также пороть нахальных мальчишек из ночной стражи. Показать тебе, как это делается?

– Ах-ах, напугал. Я просто весь дрожу от страха. – Мальчишка еще ниже сдвинул на глаза козырек своей бейсболки, удобнее устроился в кресле и сказал, ткнув большим пальцем куда-то себе за плечо: – Идите прямо по главной аллее, дойдете до церкви, там и найдете всех, кто вам нужен. Давайте шевелитесь, а то вы мне свет загораживаете.

На секунду мне захотелось сделать так, чтобы вскоре на обочине Хэрроу-Роуд начал появляться по ночам маленький нахальный призрак в огромной бейсболке, но я сумела сдержаться.

Локвуд кивком позвал нас за собой. Мы прошли сквозь старые западные ворота кладбища и зашагали по окруженной могилами главной аллее.

Оказавшись на месте расследования, мы инстинктивно «подключили» свой Дар: Локвуд с Джорджем принялись присматриваться, я прислушиваться. Все было тихо-мирно, никакого потустороннего шума, никакого давления на психику. Я слышала только негромкое щебетание – насколько я разбираюсь в птицах, это были дрозды – да стрекотание кузнечиков в траве. В ночном полумраке тускло блестели посыпанные гравием дорожки, уходившие в стороны от главной аллеи, исчезающие из вида среди надгробий. Над аллеей нависали, бросая густую тень, ветви старых лип. А над нашими головами открывалось бездонное небо с ярким диском луны.

Мы продолжали идти по липовой. Бледные клинышки лунного света просачивались сквозь листву, серебрились, словно иней на черной траве. Под нашими подошвами хрустел гравий, слабо позванивали лежащие в дорожных сумках цепи.

– Все должно пройти быстро и просто, – нарушил тишину Локвуд. – Подождем возле могилы до тех пор, пока они не докопаются до гроба. Затем сами открываем его, обезвреживаем кости доктора Бикерстафа серебряными печатями и идем домой досыпать. Ничего сложного.

– Со вскрытием гроба не всегда все проходит так уж гладко, – заметила я. – Иногда возникают проблемы.

– Но не всегда же.

– Напомни хоть один случай, когда обошлось без них.

– Я согласен с Люси, – сказал Джордж. – Ты уверен, что с останками Эдмунда Бикерстафа сложностей не возникнет. Я же готов поспорить, что они у нас

будут.

– Пессимисты, – фыркнул Локвуд. – А вы попробуйте взглянуть на все с другой стороны. Сегодня нам точно известно, где находится Источник, и здесь нет этого несносного Киппса, верно? Я думаю, мы с вами неплохо проведем вечерок. Что же касается Бикерстафа, то он не обязательно должен был стать злым духом только потому, что у него был такой печальный конец.

– Возможно, – пробормотал Джордж. – Но если бы меня сожрали крысы, я очень бы огорчился.

Минут через пять мы увидели массивный белый купол, показавшийся над верхушками деревьев, как вынырнувший из темного моря кит. Это была англиканская церковь в центре кладбища.

Портик над главным входом поддерживали четыре большие колонны в греческом стиле. Широкие ступени вели наверх, к двойным дверям. Двери были открыты, за ними приветливо сиял теплый электрический свет. А на площади перед церковью, освещенные светом прожектора, стояли две бытовки, пара экскаваторов, несколько маленьких грузовичков, виселись груды земли. По краям площадки были установлены железные бочки, из которых поднимался ароматный дымок горящих веточек сухой лаванды.

По всей видимости, это был оперативный центр фирмы «Сладкие сны. Земляные работы и расчистка». На крыльце, у входа в церковь, виднелись несколько фигур, их темные силуэты четко выделялись на фоне освещенных изнутри дверей. До нас донеслись громкие голоса, в которых отчетливо слышался страх.

Мы все свалили свои дорожные сумки на землю возле одной из дымящих бочек. Затем поднялись по ступеням, держа руки на эфесах рапир. Увидев нас, люди успокоились, перестали кричать и молча расступились перед нами.

Возле дверей мы увидели знакомую угловатую фигуру мистера Сандерса. Он бросился навстречу нам:

– Как раз вовремя! Как раз! Тут произошел небольшой инцидент, и теперь эти дураки отказываются оставаться! Я говорю им – подождите, сейчас придут агенты, самые лучшие в Лондоне! Нет, давай, отвечают, расчет, и все тут! Вы у

меня ни шиша не получите! – рявкнул он через плечо. – Я плачу вам за риск, а не за красивые глазки! Дармоеды!

– После того что они там видели, я ни за что не останусь, – сказал какой-то большой, агрессивно настроенный мужчина. На шее и руках у него были вытатуированы скелеты, поверх рубашки болталась массивная железная цепь. В толпе стояли еще несколько таких же, похожих на громил, рабочих, а между ними несколько испуганных ребяташек из ночной стражи, судорожно вцепившихся в свои палки. Кроме того, были там и три-четыре девушки-подростка в бесформенных легких платьях, с густо подведенными черной тушью глазами, громадными браслетами на запястьях и жидкими прямыми волосенками до плеч. Взвинченные, дерганые, глаза, как блюдца, и на мокром месте. Ясное дело, экстрасенсы-любительницы. Обнаружить присутствие призрака они с грехом пополам могут, но вступить с ним в драку? Боже упаси! Это противоречит их пацифистским принципам. Одним словом, пользы от этих девиц было как от насморка. С такими помощницами мы далеко не уедем.

Сандерс посмотрел на рабочего, который сказал, что не останется, и ответил ему, покачивая головой:

– И тебе не стыдно, Норрис? Что дальше? Будешь теперь драпать при виде любой Тени или Светляка?

– Но эта тварь не какая-нибудь Тень, – заметил Норрис.

– Пригласите сюда настоящих агентов! – крикнул кто-то из толпы. – А не этих, невесть откуда взявшихся! Вы только взгляните, у них даже униформы настоящей нет!

Что-то они здесь буквально все помешались на униформе.

Затем, звеня своими браслетами, вперед вылезла девушка-экстрасенс в самом уродливом платье и срывающимся от волнения голосом заявила:

– Мистер Сандерс! Мы – Миранда, Трития и я – отказываемся работать поблизости от той могилы до тех пор, пока она не будет обезврежена! Мы это твердо заявляем.

Толпа одобрительно загудела. Несколько мужчин принялись выкрикивать ругательства и угрозы в адрес Сандерса. Толпа качнулась и начала опасно сжиматься вокруг нас.

– Всем привет! – раздался голос Локвуда. Он приветственно поднял вверх руку и ослепительно улыбнулся. – Я Энтони Локвуд из агентства «Локвуд и Компания». Возможно, вы о нас слышали. Поместье Кум Кэри Холл. Усыпальница миссис Баррет. Это все расследовали мы. А сегодня, узнав о проблемах, с которыми вы столкнулись, пришли помочь вам. Вот вы, мисс, – с улыбкой обратился он к той самой горластой девушке-экстрасенсу, – вы совершенно очевидно пережили нечто действительно страшное. Можете подробнее рассказать об этом?

Локвуд был в своем репертуаре – дружелюбный, внимательный, сочувствующий. Класс! Я бы так не смогла. Дай мне волю, и я первым делом выдрала бы этой паршивке последние волосенки, а потом поддала бы под зад так, чтобы та летела кубарем до самого дома. Именно поэтому Локвуд лидер, а я нет. А еще именно поэтому у меня нет подруг.

– Я почувствовала, словно... – начала она, глядя на Локвуда своими коровьими влажными глазами. – Словно что-то набросилось на меня сзади... чтобы схватить меня... и проглотить. Поток темной, злой энергии! Я больше ни за что близко не подойду к тому месту!

– Это что! – воскликнула другая девушка-экстрасенс. – Клер только почувствовала поток энергии, а я видела его. Это было на закате. Клянусь, он повернул свою голову в капюшоне и посмотрел на меня! Это длилось одно мгновение, а затем я упала в обморок!

– Капюшон? – начал Локвуд. – Хорошо. Вы можете описать, что это был за капюшон?

Но визг и вопли девиц вновь разожгли неприязнь толпы. Все разом заговорили и снова начали смыкать вокруг нас кольцо. Вскоре мы оказались прижатыми к двери, окруженными перекошенными от испуга лицами. За этими лицами на бесконечных рядах надгробий догорали последние краски заката.

Тут в игру вновь вступил Сандерс.

– Ну хорошо, трусы поганые! – взревел он. – Джоплин отведет вас сегодня в другой сектор, подальше от той могилы! Довольны? А теперь за работу. Пошевеливайтесь! – Он схватил Локвуда за руку и протолкнул внутрь церкви. Мы просочились следом. – И чтобы я ни слова не слышал про увольнение! Как работали у меня, так и будете работать!

Он захлопнул дверь, и голоса моментально стихли.

– Сколько лишней суеты! – проворчал Сандерс. – Но вообще это моя ошибка – я хотел сделать все поскорее. Час назад послал рабочих начать раскапывать могилу Бикерстафа. Думал, это вам поможет. А потом вдруг началась вся эта заварушка, хотя и сумерки-то еще толком не наступили. – Он утер мокрый лоб рукавом своего пиджака. – Слава Богу, хоть здесь можно минутку побыть в тишине.

Церковь внутри была небольшой, скромной, с простыми побеленными стенами, без всякой лепнины. Пахло сыростью, а по ногам из-под пола несло холодом, с которым не могли справиться даже три включенных на полную мощность газовых обогревателя. Рядом с обогревателями стояли два дешевых конторских стола – оба были завалены бумагами. В глубь одной из стен уходил огороженный пыльными деревянными перилами алтарь, рядом располагалась кафедра, с которой священники произносят проповеди. Вверху над нашими головами белел оштукатуренный купол.

Самым любопытным с моей точки зрения предметом здесь была большая черная каменная плита, по форме и размеру напоминавшая крышку саркофага. Плита лежала на прямоугольной, врезанной в пол под перилами алтаря металлической пластине. Пока я с интересом рассматривала плиту, сзади ко мне подошел Сандерс.

– Да, это катафалк, дочка, – сказал он. – Старый викторианский подъемник, на котором гробы опускали вниз, в катакомбы. Управляется с помощью гидравлического механизма. Кстати, если верить Джоплину, до сих пор в рабочем состоянии. Подъемником прекратили пользоваться с появлением Проблемы. Кстати, а где Джоплин, черт его подери? Никогда этого бездельника нет на месте. Ищи его где хочешь.

– Тот «маленький инцидент» на могиле Бикерстафа, – напомнил Локвуд. –
Расскажите о нем подробнее, пожалуйста.

– Да кто ж его знает, что там было, – закатил глаза Сандерс. – Я сам толком
ничего не понял. Кто-то из экстрасенсов что-то увидел, как вы сами слышали.
Одни говорят, это была очень высокая фигура, другие уверяют, что она была в
капюшоне или рясе. Все описывают это по-разному. Одна девчушка из ночной
стражи заявила, что у этой фигуры было семь голов. Бред собачий! Я отослал ее
домой.

– Как правило, ребята из ночной стражи не склонны что-то придумывать, –
заметил Джордж.

Он был прав. Большинство детей с развитыми парапсихологическими
способностями становятся агентами, но, если ты недостаточно хорош для этого,
смирись, забудь про свою гордость и вступи в ночную стражу. Это опасная,
плохо оплачиваемая работа, к тому же в основном ночная, однако в ночной
страже служат, как правило, достаточно талантливые ребята. У нас никогда и
мыслей не было недооценивать их.

Локвуд засунул руки в карманы своей длинной куртки и сказал, возбужденно
блестя глазами:

– Это дело становится все любопытнее и любопытнее. Мистер Сандерс, в каком
состоянии эта могила сейчас? Она вскрыта?

– Частично. Я думаю, мои рабочие уже добрались до гроба.

– Отлично. Дальше мы справимся сами. Наш Джордж превосходно владеет
лопатой – правда, Джордж?

– Да, у меня было достаточно практики, – ответил Джордж. – Особенно в
последнее время.

* * *

Тропинка к непредвиденной могиле Эдмунда Бикерстафа шла вдоль узкой боковой аллеи, начинавшейся сразу за экскаваторной стоянкой. Сандерс вел нас по ней молча. Кроме него, никто из рабочих с нами не пошел. Сбившись в тесный кружок под яркими дугowymi фонарями, все они только проводили нас взглядами.

Захоронения в этой части кладбища были в большинстве своем скромными, на могилах виднелись только надгробные камни или кресты да изредка – очень простые изваяния. К этому времени на землю успела опуститься ночная тьма. В лунном свете белесо светились наполовину скрытые в траве надгробия – падавшие от них тени были непроглядно черными, словно бездонные пропасти.

Спустя несколько минут Сандерс замедлил шаги. Впереди показались сваленные в кучу ветки ежевики и наспех расчищенный от них клочок земли. Тут же возвышался холмик свежеработанной мокрой земли.

Фонарь Сандерса высветил из темноты перегородивший нам дорогу маленький желтый экскаватор с облупившейся краской. Его ковш все еще был наполнен землей. Рядом на земле валялись лопаты, кирки и другие инструменты землекопов.

– Они впопыхах побросали все как попало, – напряженным голосом сказал Сандерс. – Я, пожалуй, дальше не пойду. Если что будет нужно – просто крикнете.

С этими словами Сандерс поспешно исчез во тьме, оставив нас одних.

Мы вытащили свои рапиры. Ночь была тиха, я слышала, как тяжело бьется в груди мое собственное сердце. Локвуд достал из кармашка на своем поясе фонарик-карандаш, включил и направил луч влево от тропинки. Высветился квадратный пяточок расчищенной земли, окруженный со всех сторон обычными, заросшими травой могилами и склепами. В центре расчищенного пятка виднелся небольшой, косо торчащий из земли камень. Трава перед камнем была срезана, в земле зияла широкая яма со слегка покатыми стенками. Яма была примерно два с половиной метра длиной и около метра глубиной. Рядом с ней виднелись прорезанные в глине длинные следы от зубьев ковша экскаватора.

Прежде всего мы, включив свои экстрасенсорные чувства, прислушались и присмотрелись.

– Никаких следов посмертного свечения, – негромко сказал Локвуд. – Впрочем, этого следовало ожидать, ведь умер-то он не здесь. А вы заметили что-нибудь?

– Ничего, – ответил Джордж.

– Я заметила, – сказала я. – Слабые вибрации.

– Шум? Голоса?

– Нет-нет, что-то другое. Просто... колебания. Здесь точно что-то есть.

– Держите ушки на макушке, смотрите в оба, – сказал Локвуд. – А сейчас первым делом огородили это место барьером. Потом я осмотрю камень. На этот раз мы ничего не должны упустить. Нельзя повторять ошибки, которые мы наделали прошлой ночью.

Джордж поставил на один из соседних склепов зажженный фонарь, при его свете мы стали вытаскивать из сумок свернутые цепи и укладывать их вокруг выкопанной в земле ямы. Когда цепи были уложены, Локвуд переступил через них и направился к камню, держа наготове рапиру. Мы с Джорджем ждали, внимательно оглядываясь вокруг.

Локвуд добрался до камня, резко опустился перед ним на колени, смахнул прилипшую к поверхности камня траву.

– Запоминайте, – сказал он. – Камень дешевый, низкого качества, старый, сильно выветрившийся. Маленький, в высоту примерно вчетверо меньше стандартного надгробия. Уложен в землю косо – тот, кто его устанавливал, очень торопился...

Локвуд включил фонарик-карандаш, скользнул лучом по камню. За долгие десятилетия поверхность камня покрыл мох, глубоко забившись в вырезанные на нем буквы.

– Эдмунд Бикерстаф, – прочитал вслух Локвуд. – Надпись сделана непрофессиональным резчиком по камню. Буквы даже не выбиты, они процарапаны на камне каким-то первым попавшимся под руку инструментом. Итак, мы имеем поспешное, незаконное, непрофессионально сделанное захоронение, которое находится здесь весьма продолжительное время.

Локвуд поднялся с колен, и в ту же секунду раздался тихий-тихий шелест. За могилой из темноты выступила фигура и нетвердой походкой направилась на свет фонаря. Джордж и я одновременно вскрикнули. Локвуд нырнул в сторону, выставив вперед свою рапиру. Затем стремительно развернулся, подскочил и опустился в центре ямы, лицом к камню.

– Простите, – сказал мистер Альберт Джоплин. – Я, кажется, кого-то испугал?

Я выругалась сквозь зубы. Джордж присвистнул. Локвуд только резко выдохнул. Мистер Джоплин подковылял к краю ямы. Он двигался неуклюже, с его головы при каждом шаге сыпалась перхоть, хорошо заметная в косом свете фонаря. Мистер Джоплин чем-то напоминал мне шимпанзе, только вместо детеныша длинными тощими руками прижимал к груди пачку своих драгоценных бумаг.

– Прошу прощения, – сказал он, виновато поправляя на носу очки. – Слегка заблудился, пока добирался от восточных ворот. Я ничего интересного не пропустил?

Джордж начал говорить, и в этот самый момент меня обдало струей ледяного холода. Вам доводилось когда-нибудь попадать в такую ситуацию: вы прыгаете в плавательный бассейн в полной уверенности, что вода подогрета, а на самом деле она ледяная, и ваше тело мгновенно и целиком охватывает пробирающий до костей холод? И вы испытываете потрясение, боль, страх... Вот именно таким и было мое ощущение. Я ахнула. Но не только холод окатил меня, внутренний слух тоже пробудился. Помните, я говорила о том, что чувствовала какие-то вибрации? Теперь этот звук неожиданно стал очень громким. Он перекрывал голоса Джорджа и Джоплина, усиливался, словно гудение приближающейся тучи мух.

– Локвуд... – начала я.

И тут звук затих. В голове прояснилось. Ощущение холода тоже пропало, хотя кожа на руках покраснела и саднила. Шум не исчез полностью, просто вновь отошел на задний план.

– ...действительно необычная церковь, мистер Каббинс, – продолжал бубнить Джоплин. – Лучшие изображения в технике притирания медью во всем Лондоне. Я непременно как-нибудь покажу их вам.

– Эй! – это крикнул Локвуд, по-прежнему стоявший в центре ямы. – Эй! Взгляните-ка, что я нашел! Нет-нет, мистер Джоплин, вы, пожалуйста, оставайтесь пока по ту сторону цепей.

Локвуд направил луч фонарика на землю у своих ног. Я медленно перешагнула через цепи (в голове у меня все еще звенело) и вместе с Джорджем приблизилась к яме. Подошвы наших ботинок погрузились в мягкую темную грязь.

– Вот, – сказал Локвуд. – Что скажете об этом?

Вначале я ничего не могла разглядеть в ярком свете фонаря, но затем Локвуд слегка отвел луч в сторону, и я увидела выступающий из земли край чего-то красноватого и длинного.

– Ни фиги себе, – протянул Джордж.

– Это гроб? – заволновался мистер Джоплин. Он семенил вдоль края цепей, по-птичьему вытягивая шею. – Гроб, да, мистер Локвуд?

– Я не знаю...

– Большинство гробов, которые я видел, были сделаны из дерева, – пробормотал Джордж. – Практически любой гроб Викторианской эпохи давным-давно должен был за это время полностью сгнить в земле. Покойников всегда – а уж в те времена просто обязательно – хоронили, как положено, на глубине двух метров, по всем правилам и обычаям...

Он замолчал.

– А этот гроб? – спросил Джоплин.

– Зарыт на глубине... Да тут и метра не будет, и поставлен под углом, словно в большой спешке. И не сгнил, потому что сделан не из дерева, а из железа.

– Из железа, – повторил Локвуд. – Железный гроб...

– Вы слышите, слышите? – перебила я их. – Жужжание. Словно мухи. Огромная мушиная туча.

– Но в те времена Проблемы еще не существовало, – продолжал размышлять вслух Джордж. – Что и кому было нужно спрятать здесь в железном гробу?

7

Чтобы выкопать эту штуковину, нам пришлось провозиться до самой полуночи. Двое копали, третий стоял на страже, постоянно следя за показаниями термометра. Каждые десять минут мы менялись. С помощью брошенных поблизости лопат и кирок нам удалось сначала снять верхний слой грязи и глины, затем мы углубили центральную часть ямы, и наконец перед нами медленно обнажились крышка и боковые стенки гроба.

Во время работы мы почти не разговаривали – тишина обволакивала нас своим саваном, единственные звуки, которые разносились сейчас в ночи, издавали врезающиеся во влажную землю лопаты – ширк, ширк, ширк... Все вокруг было спокойно. Время от времени мы посыпали центр ямы солью и железными опилками, чтобы держать потусторонние силы в узде. Кажется, это нам удавалось. В яме было на два градуса холоднее, чем на поверхности, но температура держалась на постоянном уровне и больше не понижалась. Исчез и раздражавший меня жужжащий звук, который я слышала внутренним ухом.

Альберт Джоплин, взбудораженный и зачарованный всем, что происходило на месте загадочного захоронения, долгое время возбужденно метался рядом с ямой, среди ближайших к ней надгробий, однако, когда ночь целиком вступила в свои права, а железный гроб почти целиком показался из-под земли, инстинкт

самосохранения взял верх даже в нашем архивариусе. Джоплин внезапно вспомнил о каких-то совершенно неотложных делах, которые ждут его в церкви, и ушел. Мы остались одни.

Ширк, ширк, ширк...

Наконец мы закончили, полностью откопав гроб. Локвуд зажег еще один фонарь типа «летучая мышь» и поставил его на глину рядом с центром ямы. Мы сделали пару шагов назад, чтобы рассмотреть свою находку целиком.

Железный ящик около двух метров в длину, с полметра в ширину и всего сантиметров сорок в высоту.

Иными словами, это был не просто какой-то старый ящик, это действительно был, как правильно догадался с самого начала Локвуд, железный гроб.

На боковых его стенках местами остались прилипшие комочки серой глины, но в целом поверхность гроба была видна достаточно хорошо – тускло блестящая, покрытая похожими на засохшую кровь пятнами ржавчины.

Нужно полагать, что изначально стенки гроба были прямыми и ровными, однако годы и постоянное давление почвы сделали свое дело – гроб покоробился, искривились его вертикальные края, слегка прогнулась средняя часть крышки.

Мне доводилось видеть свинцовые гробы времен Римской империи, которые изредка попадались во время раскопок на расположенных в центре города кладбищах, – они выглядели в точности такими же помятыми. На нашем гробу один уголок крышки смялся так сильно, что приподнялся от верхнего края боковой стенки, образовав узкую, угольно-черную треугольную щель.

– Не хотел бы я быть похороненным в железном гробу, – сказал Джордж. – Неприглядное зрелище.

– Кроме того, этот конкретный гроб не выполнил своего предназначения, – добавил Локвуд. – Что бы ни пытались запечатать внутри его, ничего не вышло, нечто могло просочиться наружу через эту небольшую дырку. Ты в порядке, Люси?

Я покачнулась, стоя на месте. Нет, я не была в порядке. Моя голова словно налилась свинцом, меня подташнивало, внутренним ухом я снова начала слышать тот самый жужжащий звук. Стало казаться, что по коже во всех направлениях, бойко перебирая лапками, побежали невидимые насекомые. Я почувствовала отвратительный запах – миазм, – говорящий о близком присутствии Гостя, причем очень сильного, если учесть, сколько на этом месте насыпано сейчас соли и железа.

– Да, нормально, – бодрым тоном солгала я. – Ну и кто же будет открывать гроб?

Вопрос этот был, между прочим, непростой. В «Руководстве Фиттис», на которое ориентируются все агентства, прямо сказано, что вскрывать «запечатанные помещения, в том числе могилы, гробы или потайные комнаты» должен один человек. Все остальные агенты обязаны немного отойти в сторону и встать наготове с оружием в руках. Вскрывать «запечатанное помещение» – работа опасная и нервная, и у себя в агентстве мы выполняем ее по очереди. Это правило можно считать для нас вторым по значимости после «правила печени», и оно постоянно становится предметом наших споров и препирательств.

– Не я, – сказал Локвуд, указывая пальцем на зашитые прорехи от когтей на своей куртке. – Я вскрывал могилу миссис Баррет.

– А я открывала тот люк в доме Мелмота, – заметила я. – Джордж?

– Потайная комната в отеле «Савой», – ответил Джордж. – Помните, с древним значком, предупреждающим об опасности чумы на двери? О, это была та еще жуть. Я ее вскрывал.

– Никакая не жуть, – возразила я. – Та комната не была ни зараженной, ни потайной. Обычная прачечная, увешанная мокрыми штанами.

– Но когда я открывал ту дверь, я же не знал, что за ней скрывается, ведь так? – не собиравшись сдаваться Джордж. – Хочешь, давай бросим монетку. – Он порылся в кармане брюк и выудил оттуда монетку, очень грязную на вид. – Ну, что скажешь, Люси, орел или решка?

– Я думаю...

– Орел? Интересный выбор. Давай посмотрим, – в воздухе что-то мелькнуло, слишком быстро, чтобы можно было рассмотреть. – Ах, решка. Не повезло тебе, Люси, бывает. Ломик лежит вон там.

– Ловкий трюк, Джордж, но вскрывать гроб будешь ты, – усмехнулся Локвуд. – Бери инструменты и печати.

С облегчением вздохнув, я направилась к нашим дорожным сумкам. Джордж с грацией слона заковылял следом. Вскоре перед гробом было разложено все необходимое – серебряные печати, ножи, ломик-фомка и все остальное.

– Вскрыть гроб будет довольно просто, – сказал Локвуд. – Взгляни, с этой стороны крышка прикреплена на петлях. А на противоположной стороне два шпингалета, один из них все еще закрыт. Так что, Джордж, нанесешь один точный удар ломиком, откроешь крышку, запечатаешь то, что найдешь внутри, и через час мы будем дома. – Он посмотрел на Джорджа, на меня и спросил: – Вопросы есть?

– Есть, – ответил Джордж. – Несколько. Где вы будете стоять? Как далеко? Какое у вас будет оружие, чтобы защитить меня, если из гроба выскочит что-нибудь ужасное?

– Мы с Люси все будем держать под контролем. А теперь...

– И еще. На случай, если не вернусь домой, я составил завещание. Вы найдете его под моей кроватью, в дальнем углу, за коробкой с бумажными носовыми платками.

– Будем молиться, чтобы Господь избавил нас от этих поисков. А теперь, если вы готовы...

– А на крышке гроба была какая-нибудь надпись? – спросила я. К этому моменту я успела привести себя в состояние боевой готовности, все мои чувства обострились до предела.

– На ней было столько грязи, что трудно сказать что-нибудь наверняка, – покачал головой Локвуд. – И начинать заново скоблить ее тоже очень не хочется.

Давайте лучше поскорей закончим с этим делом.

На самом деле открыть крышку гроба было намного сложнее, чем говорил Локвуд. Заржавел не только уцелевший шпингалет, в нескольких местах сама крышка тоже приржавела к верхнему краю боковой стенки, поэтому, чтобы освободить крышку, понадобилось двадцать минут, на протяжении которых мы по очереди работали карманными ножами и стамесками. Наконец мы почувствовали, что крышка сможет свободно подняться на петлях.

- Так, неплохо, - сказал Локвуд, в очередной раз взглянув на термометр. Температура держится стабильно, не падает, миазмы сильнее не становятся, и вообще все идет как-то на удивление спокойно и тихо. Даже подозрительно. Ну, ладно. Люси, по местам.

Мы с Локвудом разошлись к противоположным концам гроба. Я держала наготове нашу самую большую и крепкую серебряную сеть, более метра в диаметре. Локвуд вытащил свою рапиру и держал ее, слегка направив клинок вверх, готовый в любой момент атаковать противника.

- Джордж, - сказал он, - теперь дело за тобой.

Джордж кивнул, на несколько секунд закрыл глаза (то ли настраивался, то ли молился), затем взял в руки фомку. Пошевелил пальцами, разминая их, покрутил плечами и так повел шеей, что в ней что-то щелкнуло. После всего этого Джордж наконец вплотную приблизился к гробу и осторожно вставил кончик фомки в щель между сломанными шпингалетами. Затем выпрямился, повалился задом, как игрок в гольф перед тем, как нанести сильный удар, глубоко вдохнул и налег на ломик. Ничего не произошло. Джордж снова навалился на фомку. Вероятно, крышка покособилась и ее слегка зажало между перекосившимися боковыми стенками гроба. Джордж налег на ломик изо всех сил.

С оглушительным звоном крышка подскочила вверх, а тот конец ломака, на который навалился Джордж, резко опустился вниз. Джордж пошатнулся, откинулся назад и, потеряв равновесие, грузно шлепнулся в грязь. Покрутил головой, поправил съехавшие на кончик носа очки, сам, без нашей помощи, поднялся на ноги и заглянул внутрь гроба.

И закричал.

– Фонарь, Люси! – крикнул Локвуд, бросаясь вперед, готовый защитить Джорджа клинком своей рапиры. Но из гроба ничто и никто не показался. Ни манифестации, ни Гостя. Свет расставленных на земле вокруг ямы ламп отражался от блестящей внутренней стороны крышки и еще чего-то темного, лежащего в гробу.

Фонарь был уже у меня в руке. Я включила его на полную мощность и направила яркий луч внутрь гроба.

Если вы человек нервный или очень впечатлительный, пропустите, пожалуй, следующие два абзаца, потому что в гробу лежали не кости, а труп. В первый момент меня больше всего поразило именно то, что я вижу перед собой не сгнившего полностью за столько лет покойника. Вам доводилось хоть раз положить куда-нибудь банан и забыть про него? Если да, то вы знаете, что вначале он покрывается пятнами, потом темнеет, затем становится совсем черным и липким и, наконец, усыхает и превращается в черный маленький стручок. Так вот, тот приятель, что лежал внутри железного гроба, находился, если сравнивать его с бананом, где-то посередине между второй и третьей стадиями.

Свет фонаря тускло блестел на высохшей потемневшей коже, туго обтянувшей кости скул. Кое-где кожа уже треснула. Посередине лба виднелось аккуратное отверстие, вокруг которого кожа полностью облезла.

С обеих сторон череп обрамляли длинные пряди белых волос, совершенно обесцветившихся и ставших похожими на стеклянные. Глазницы были пусты. Губы усохли и разошлись, обнажив десны и зубы.

На трупе были остатки пурпурного плаща или мантии, под которой виднелся старомодный черный сюртук, белая рубашка с жестким высоким воротничком и черный, завязанный по викторианской моде, галстук. В высохших костистых руках покойник держал кусок потертой белой ткани, в которую, по всей видимости, был завернут предмет, выскользнувший из тряпки то ли в тот момент, когда гроб сильно наклонили, опуская в могилу, то ли позднее, из-за подвижек почвы, вызванных грунтовыми водами. Как бы то ни было, сейчас этот предмет выглядывал между высохшими пальцами покойника. Этот предмет был куском стекла размером примерно с лицо человека и с неровным краем. Стекло было почти черным от покрывавшей его грязи и земли, однако местами

проглядывало наружу и блестело. Именно этот блеск и уловили мои глаза.

– Смотри! Смотри...

Что это был за голос? Чей?

– Люси! Запечатывай! – а это уже голос Локвуда.

И я тут же накрыла гроб со всем его содержимым серебряной сетью.

– Так что же ты увидел, Джордж? – спросил Локвуд.

Теперь мы стояли на тропинке, пили чай и ели сэндвичи, которые принес кто-то из команды Сандерса. На крик Джорджа к загадочной могиле сбежалась небольшая толпа – Сандерс, Джоплин, несколько рабочих и детей из ночной стражи. Сейчас все они терлись возле соседних надгробий, с опаской поглядывая на раскопанную яму и стараясь держаться на почтительном расстоянии от железных цепей. Мы опустили крышку гроба, остался виден лишь самый уголок серебряной сетки.

– То есть я знал, что Бикерстаф выглядел плохо, – продолжал Локвуд, – но ведь нам с вами доводилось повидать и кое-что похуже. Помните долину Патни?

Последние несколько минут Джордж оставался каким-то подавленным – почти не разговаривал, стоял со странным выражением лица, с тоской и болью глядя на выкопанную нами яму. Это меня насторожило. Джордж вел себя так, словно находился под воздействием призрачного захвата, когда агрессивному Гостю удастся подавить и подчинить себе волю своей жертвы. Но мы же запечатали Источник серебром, и поблизости нет ни одного призрака. Но постепенно состояние Джорджа, слава богу, улучшалось, особенно этому помогали сэндвичи. Доев очередной, Джордж покачал головой и сказал Локвуду:

– Это было не тело. У меня в холодильнике хранятся вещи и похуже. Зеркало – вот что он держал в руках.

– Думаешь, это было зеркало? – переспросила я. Закрыв глаза, я опять увидела тот кусок стекла – блестящий, сверкающий, он был чернее самой темноты.

– Я не знаю, что это было, но мои глаза буквально прилипли к нему. Я увидел в нем... Нет, не знаю, что я увидел. Я видел тьму, и в этой тьме было нечто. Нечто ужасное. Поэтому я и вскрикнул – было ощущение, будто кто-то высасывает через грудь мои внутренности. – Джордж содрогнулся. – Но в то же время то, что я увидел, завораживало, не давало отвести от себя взгляд. Мне хотелось смотреть и смотреть в эту тьму, даже сознавая, какой опасности при этом подвергаюсь. – Он долго, тяжело выдохнул и закончил: – Наверное, я до сих пор стоял бы там и смотрел, если бы Люси не накрыла гроб серебряной сеткой.

– Любопытное зеркальце, – сказал Локвуд, очень внимательно следивший за Джорджем, пока тот говорил. – Неудивительно, что они упрятали его в железный гроб.

– А разве в те времена, когда жил Бикерстаф, они могли знать о свойствах железа? – спросила я.

Массовое производство отгоняющих Гостей предметов из железа и серебра началось лишь полвека назад, после того как появилась Проблема. А гроб, который мы сегодня нашли, был закопан за пару поколений до этого.

– Большинству людей об особых свойствах железа тогда действительно не было известно, – сказал Локвуд, – но серебро, соль и железо с незапамятных времен традиционно применялись для отпугивания призраков и изгнания злых духов. Поэтому то, что мы нашли в этой могиле железо, не может быть простым совпадением. – Он спросил, понизив голос: – Никто из вас случайно не заметил чего-нибудь странного, что связано с самим доктором Бикерстафом?

– Помимо того, что он оказался мумифицированным трупом? – спросила я.

– Вот именно, мумифицированным трупом. В газетной статье, которую нам показывал Джоуплин, сказано, что Бикерстафа съели крысы, правильно? А тот парень в гробу был целым. Кстати, вы заметили дырку у него в... – Он резко замолчал, увидев подходивших к нам Сандерса и Джоуплина. Главный землекоп выкрикивал команды ребятишкам из ночной стражи, а архивариус молча пялился на железный гроб, держась у самого края цепей. Они подошли,

начались похлопывания по спине и поздравления.

– Отличная работа, мистер Локвуд! – кричал Сандерс. – Мастерски проделано! Будем надеяться, что теперь все неприятности позади и мы сможем продолжить зачистку. – Он широко повел рукой, в которой держал кружку с дымящимся кофе. – Люди поговаривают, что у старого Бикерстафа был в руках кристалл или что-то в этом роде... Наверное, та штуковина каким-то образом была связана с его таинственными ритуалами. Теперь уже ничего не узнаешь, все накрыто серебряной сетью.

– И поверьте мне, ее лучше не трогать, – рассмеялся Локвуд. – Под ней действительно находится очень мощный Источник. Вы немедленно должны связаться с ДЕПИК, чтобы они обеспечили безопасную транспортировку Источника к месту его уничтожения.

– Это будет первое, что я сделаю завтра утром, – пообещал Сандерс. – А сейчас мы должны заняться своим делом, и так почти полночи потеряли. Полагаю, мне нужно подтвердить, что работа вами выполнена. Пойдемте в контору, я подпишу все необходимые бумаги.

– А нельзя ли до утра перенести гроб в церковь? – спросил Джоплин. – Мне не хотелось бы оставлять его здесь – воры, охотники за реликвиями, сами понимаете...

– Хорошо, – неохотно согласился Локвуд. – Только проследите за тем, чтобы сеть оставалась на месте, перемещайте гроб вместе с окружающими его цепями и никому не позволяйте приближаться к нему.

Локвуд и Сандерс ушли подписывать бумаги. Окончательно пришедший в себя Джордж прислонился к какому-то склепу и вступил в оживленный научный диспут с Джоплином. Я, чтобы скоротать время, принялась собирать наши инструменты и оборудование. Все еще было то ли довольно поздно, то ли очень рано – время не так давно перевалило за полночь. Рабочий вечер выдался сегодня короче и успешнее, чем вчерашний. Однако странным, очень странным оказалось это захоронение, недоступным для понимания. Джордж что-то увидел, но по ощущениям это никак не было связано с появлением призрака. Но тем не менее что-то оказало очень сильное влияние на психику Джорджа, несмотря на огромное количество защитных железных барьеров.

– Мисс?

Это был рабочий, которого звали Норрис, – самый большой и сильный из землекопов. Кожа у него на лице была толстой, продубленной, заросшей седоватой щетиной. На шее Норриса виднелась татуировка – череп-страж с распахнутыми крыльями.

– Прошу прощения, мисс, – сказал Норрис. – Я правильно расслышал, что никто не должен находиться рядом с гробом?

– Да, все верно.

– Тогда вам лучше остановить своего приятеля. Смотрите.

Я обернулась. Джордж и Джоплин, перешагнув через железные цепи, направлялись к гробу, продолжая увлеченно о чем-то говорить. Джоплин прижимал под мышкой неряшливую кипу бумажных листов.

– Джордж! – окликнула я. – Какого черта...

И тут я поняла.

Крышка. Надпись.

Продолжая взахлеб радостно спорить друг с другом, они остановились у гроба и начали счищать прилипшую к его крышке грязь. Джордж достал свой перочинный нож для того, чтобы было удобнее счищать грязь, слегка приподнял крышку. Лежащая под ней серебряная сеть сдвинулась с места, один ее край сполз в сторону.

Норрис еще что-то говорил мне, но я его не услышала, потому что в этот миг рядом с Джорджем и Джоплином возникла третья фигура.

Эта фигура стояла неподвижно, молча, была высокой, тонкой и лишь частично материализовавшейся. Один край длинного серого плаща был насквозь проткнут углом гроба. У основания призрачного видения вспыхивали завитки плазмы, короткие и толстые, похожие на усики анемонов. Они извивались, пропадали и

появлялись вновь, но при этом у самого призрака не было ни рук, ни ног – один лишь серый, до земли, плащ. Не было видно и скрытой под длинным капюшоном головы призрака, если не считать двух деталей – белого, как рыба кость, заостренного подбородка и раскрытого рта с неровными рядами зубов.

Я открыла свой собственный рот, но тут же – раньше, чем успела крикнуть – услышала прозвучавший у меня в голове голос:

– Смотри! Смотри!

– Джордж...

– Я исполню ваше желание...

– Джордж!

Ни Джордж, ни Джоплин не шелохнулись, хотя не могли не видеть стоящую прямо перед ними фигуру. Оба они стояли, слегка согнувшись, словно застыли в тот момент, когда счищали грязь с крышки гроба. Глаза у Джорджа и Джоплина были широко раскрытыми и неподвижными, на лицах застыло выражение ужаса.

– Смотри...

Голос был низким, глубоким, гипнотизирующим, и в то же время каким-то холодно отстраненным. От звуков его в моих чувствах возникала неразбериха, мысли начинали путаться. Меня тянуло подчиниться этому голосу, отдать себя во власть ему, но в то же время безумно хотелось избавиться от наваждения.

Я заставила себя сдвинуться с места.

И фигура тоже сдвинулась. Она стала вытягиваться вверх и превратилась в огромную серую колонну, сквозь которую просвечивали звезды.

Позади меня кто-то крикнул. Я не обернулась – некогда, и выхватила свою рапиру.

Серая тень нависла над Джорджем и Джоплином. Похоже, что в этот миг оба они вышли из транса – одновременно вскинули головы и резко отпрянули назад. Джордж закричал. Джоплин выронил свои бумаги. Призрачная фигура неподвижно зависла над ними. Я знала, что должно произойти дальше – серая тень неожиданно согнется дугой и словно поток воды неудержимо ринется вниз. Захлестнет, сожрет из обоих.

Я была слишком далеко. Вот дура!.. На таком расстоянии моя рапира была бесполезна. И нет времени что-то изменить – подскочить ближе или успеть сорвать что-нибудь у себя с пояса.

Призрачная фигура ринулась вниз – впереди летел широко раскрытый рот с торчащими в нем неровными зубами.

Я сделала единственное, на что была способна, – швырнула свою рапиру, и она полетела по воздуху, крутясь колесом.

Джоплин от страха запутался в собственных ногах и, пошатнувшись, толкнул Джорджа. Джордж, неловко копавшийся в кармашках своего пояса в поисках какого-нибудь оружия, потерял равновесие и начал падать...

– Я исполню ваше желание...

Рапира пролетела как раз между Джорджем и Джоплином, прямо у них над головами. Посеребренный клинок рассек прикрытое капюшоном лицо.

Призрачная фигура исчезла. Оборвался и звучавший в моей голове голос. Из центра очерченного цепями круга до меня докатилась волна взрыва потусторонней энергии – настолько сильная, что сбила меня с ног. Мимо меня пронесся Локвуд с развевающимися на ветру волосами. Он затормозил возле выложенных в виде круга цепей и внимательно огляделся вокруг горящими от возбуждения глазами.

Но все было в порядке. Джордж был в порядке. И Джоплин был в порядке. Гроб спокойно стоял на своем прежнем месте. Над головой с ночного неба светили крупные летние звезды.

Гость исчез.

8

С этой минуты Локвуд стал каким-то совершенно отстраненным. Ничего не сказал нам на кладбище. Молчал, пока мы возвращались домой. Дома подождал, пока мы запрем двери, проверим обереги, свалим в угол свои дорожные сумки, посетим туалет и умоемся. После этого всю заторможенность Локвуда как рукой сняло. Не дожидаясь, пока мы примемся за традиционные после возвращения с работы чипсы и какао, он принялся за Джорджа. Честно сказать, Джордж хорошую выволочку вполне заслужил.

– Ты меня удивил, – сказал Локвуд Джорджу. – Подвергнуть свою жизнь и жизнь этого дурачка, мистера Джоплина, прямой и страшной опасности! Вы оба были в секундах от того, чтобы попасть в объятия призрака. Если бы не Люси, так бы оно и случилось. И не говори о том, будто ты думал, что Источник нейтрализован, и прочее бла-ла-ла. Разрешить не агенту в оперативной обстановке находиться вблизи активного Источника – значит нарушить все существующие правила. И тебе это хорошо известно. О чем ты думал, Джордж?

Джордж сгорбился в своем любимом кресле рядом с кофейным столиком. Лицо его выражало сложную смесь раскаяния, демонстративного неповиновения и наигранного безразличия.

– Мы говорили с Джоплином о надписи на крышке гроба, – угрюмо и неохотно ответил Джордж. – Мы знали, что как только ДЕПИК заберет гроб в свои лапы, никто и никогда его больше не увидит. Поэтому Джоплин сказал...

– Что бы Джоплин ни говорил, тебя это не должно было волновать! – крикнул Локвуд. – Думаешь, это достаточно веская причина, чтобы подвергать смертельной опасности себя да еще этого... архивариуса? Приспичило им, видите ли, рассмотреть, что там нацарапано на крышке этого древнего грязного гроба! Ты удивил меня, Джордж! Честное слово, очень сильно удивил.

На самом деле Локвуд не был особенно удивлен, да и я тоже. Одной из самых ярких и сильных черт в характере Джорджа, наряду с сарказмом, пристрастием к пустой болтовне, кровожадностью и злобностью, была неудержимая тяга ко всему неизвестному и таинственному. Если Джорджу не надо было рыться в пыльных архивах, собирая информацию для предстоящего нам расследования, он с таким же наслаждением рылся в других, не менее пыльных архивах, изучая Теорию Гостей, пытаясь понять, почему возвращаются призраки и как именно это происходит. На практике он изучал не только свой любимый череп, который украл когда-то вместе с призраком-банкой, но при любой возможности и другие предметы, обладающие потусторонней силой. Это означало, что сегодняшний загадочный железный гроб просто не мог не увлечь Джорджа.

Но это означало также, что пристрастие Джорджа ко всему загадочному разделял и этот скучный маленький ученый, Джоплин.

Локвуд замолчал и, стоя со сложенными на груди руками, явно ждал от Джорджа извинений. Не дождался.

– Я согласен, что гроб и его содержимое опасны, – упрямо возразил Джордж. – То зеркало, которое я видел... оно ужасно. Но сила, с помощью которой оно влияет на человека, совершенно непонятна. Вот я и подумал, что профессиональный агент должен постараться изучить явление, с которым он столкнулся, узнать о нем как можно больше. А надпись, между прочим, могла стать одним из главных ключей к пониманию того, что замышляли Бикерстаф и его призрак.

– Кому какое дело до этого?! – закричал Локвуд. – Кому какое дело? Понимать замыслы призраков не входит в круг твоих рабочих обязанностей! – Во многих отношениях Локвуд был полной противоположностью Джорджа, и не только в смысле чистоплотности или любви к порядку. Локвуда совершенно не интересовала природа призраков, их личные желания или намерения. Он хотел только одного – уничтожить их с максимальной эффективностью и быстротой. Мне показалось, что больше всего Локвуда разозлил беспечный дилетантизм Джорджа. – Этими вопросами пускай занимаются Барнс и ДЕПИК, – уже более спокойным тоном продолжил Локвуд. – Это их головная боль, не наша. Я прав, Люси?

– Прав? Разумеется, нет. Ты абсолютно не прав, – возразила я, аккуратно расправляя край своей юбки. – Потому что подобные вещи в самом деле представляют огромный интерес... Кстати, я до сих пор не успела спросить – ты

в самом деле успел увидеть надпись?

- Да, - кивнул Джордж, - в самую последнюю секунду перед тем, как все это началось.

- И что там было написано?

- «Если тебе дорога твоя душа, отойди и сторонись этого проклятого ящика». Все.

- Отойди и сторонись? - переспросила я.

- Другими словами, «не трогай этот ящик и не открывай его».

- Слегка запоздалое предупреждение.

Локвуд, задумчиво следивший за нашим разговором, кашлянул и негромко сказал:

- Обо всем этом спокойно можно забыть. Как я уже сказал, Бикерстаф и его зеркало теперь уже не наша забота. И не наше дело. И Джордж...

- погоди, - прервала я его. - Мы говорим об Эдмунде Бикерстафе, верно? Но то, что мы видели, никак не увязывается с историей Джоплина о смерти Бикерстафа. Тот тип в гробу лежал целехоньким, а Бикерстафа, как мы помним, сожрали крысы. А еще у того мумика голова была насквозь пробита пулей.

- Да, ты права, Люси, - кивнул Джордж. - Все точно подмечено.

- Правда, Бикерстафа могли, конечно, вначале пристрелить, а уже потом его объели крысы.

- Может быть... Хотя мне показалось, что наш мумик совершенно целый.

- Не имеет никакого значения! - воскликнул Локвуд. - Все это могло быть интересно, если бы расследовались обстоятельства смерти Бикерстафа. Но

такого дела возбуждено не было, поэтому наша работа на этом закончена. Все! Теперь можете обо всем забыть. То, за что нам платят деньги, мы сделали – обнаружили Источник и обезвредили его. Остальное нас не касается.

– Э... на самом деле мы не обезвредили Источник, – сказал Джордж. – Сейчас я в этом окончательно убедился. Несмотря на все наше железо и серебро, призрак Бикерстафа смог-таки выбраться наружу. Это очень необычно. Думаю, даже ты будешь вынужден согласиться, что расследование мы провели некачественно и не до конца.

Локвуд чертыхнулся себе под нос, затем решительно заявил:

– Нет! Неправда! Просто ты, Джордж, сдвинул с места сеть – именно это позволило Гостю вырваться наружу и поймать тебя в призрачный захват. Проблема в том, что ты всегда слишком легко отвлекаешься на ненужные мелочи. Впредь будь любезен помнить о своих прямых обязанностях и не тратить время по пустякам. Взгляни на этот свинарник...

Локвуд указал пальцем на кофейный столик со стоящей на нем призрак-банкой. Череп сквозь стекло был почти неразличим, его, как обычно, окутало мутное зеленоватое облачко плазмы. Вчера днем Джордж ставил над заточенным в банке призраком очередные эксперименты. Облучение банки лучами полуденного солнца никаких результатов не дало, как и неожиданная бомбардировка фрагментами громкой классической музыки, которую транслировали по радио. Стол был завален блокнотами и исписанными неразборчивым почерком листами бумаги.

– Вот прекрасный пример, – продолжил Локвуд. – Ты слишком много времени тратишь на эту дурацкую банку. Попробуй уделять больше внимания серьезному изучению предстоящих нам расследований, хоть немного помогай компании.

– Что ты имеешь в виду? – вспыхнул Джордж.

– Я имею в виду тех злополучных Рейзов-висельников в Уимблдоне. Расследование, перед которым ты не удосужился поинтересоваться историей проводившихся на том месте казней. Даже этот идиот Бобби Вернон сумел собрать намного больше информации, чем ты, друг любезный.

Джордж замер на месте. Открыл рот, словно собираясь возразить, но опять закрыл его и промолчал. Лицо Джорджа ничего не выражало. Он снял очки и принялся тщательно протирать их краем футболки.

– Я был не прав, – сказал Локвуд, ероша себе волосы. – Я не должен был говорить этого. Прости.

– Нет-нет, – натянуто ответил Джордж. – Все в порядке. В следующий раз постараюсь тщательнее расследовать предстоящее дело.

– Отлично.

Повисло неловкое молчание.

– Кому приготовить какао? – как ни в чем не бывало спросила я. Чашка горячего какао, как правило, хорошо помогает в любых сложных ситуациях, проверено на себе. Ночь тем временем клонилась к концу, еще немного – и рассветет.

– Я сам приготовлю, – сказал Джордж, резко поднимаясь с кресла. – Посмотрим, справлюсь ли я хотя бы с этим заданием. Тебе, как всегда, две ложки сахара, Люси? А тебе, Локвуд... Ну да, тебе с густой пенкой.

Джордж ушел варить какао, а Локвуд сказал, хмуро глядя на закрывающуюся за ним дверь:

– Знаешь, от этого последнего замечания Джорджа мне стало как-то не по себе... – вздохнул он и продолжил после небольшой паузы: – Люси, у меня до сих пор не было времени сказать тебе... То, что ты швырнула рапиру – это было гениальное решение.

– Спасибо.

– И как ты превосходно рассчитала бросок – клинок прошел как раз между их головами. Лети рапира на пару сантиметров левее, и клинок вонзился бы как раз между глаз Джорджу. Поразительная точность.

– Ну... – заскромничала я, делая жест рукой, – иногда поступаешь просто по наитию.

– То есть ты хочешь сказать, что не просчитывала тот бросок?

– Нет.

– Значит, просто бросила рапиру, и все? Тогда это просто слепая удача, что Джордж в тот момент потерял равновесие и покачнулся. Только поэтому ты не насадила его на клинок, как шашлык на шампур.

– Угу.

– И тем не менее, – улыбнулся мне Локвуд, – бросок получился гениальным. Ты оказалась единственной, кто успел среагировать вовремя.

Как всегда, от похвалы Локвуда я слегка покраснела, потом прокашлялась и спросила:

– Слушай, Локвуд, а тот призрак Бикерстафа – какого типа он был? Лично я ничего подобного раньше не встречала. Ты видел, как он вытянулся вверх? Какой Гость способен проделать такой трюк?

– Не знаю, Люси. Хочу надеяться, что железа, которого мы там навалили, хватит, чтобы сдержать Гостя до зари. А после рассвета Гость станет проблемой ДЕПИК, чему лично я очень рад. – Он вздохнул, поднимаясь с кресла. – Пойду лучше помогу Джорджу. Я же обидел его. К тому же меня слегка беспокоит, что он там может сделать с моим какао.

После того как Локвуд ушел, я откинулась на диване и уставилась в потолок. Может быть, я еще не отошла от событий уходящей ночи, но атмосфера в комнате казалась мне беспокойной. В голове теснились, стремительно сменяя друг друга, образы – застывшие возле гроба Джордж и Джоплин, почерневшее ухмыляющееся лицо лежащего в гробу Бикерстафа, ужасный призрак, тянувшийся серой колонной все выше и выше к ночным звездам... Фигуры медленно кружили передо мной, проплывали, словно лошадки карусели, на

которой я каталась один раз когда-то в детстве.

Спать. Мне ужасно захотелось спать. Я закрыла глаза. Лучше от этого не стало – кружащиеся фигуры никуда не исчезли. Более того, мне тут же вспомнился холодный и в то же время вкрадчивый голос, который я слышала, стоя возле ямы. Голос, убеждавший меня посмотреть... На что посмотреть? На призрак? На зеркало?

Я была очень рада, что не знаю этого.

– Паршиво себя чувствуешь? – мягко спросил кто-то.

– Да. Есть немного...

Потом меня словно что-то толкнуло изнутри, и я открыла глаза. Дверь по-прежнему была закрыта. С кухни доносились голоса Локвуда и Джорджа.

На потолке мерцало, вращаясь, зеленоватое пятно света.

– Теперь ты непременно заметишь меня.

Это был низкий, едва слышный шепот. Враждебный, но знакомый. Однажды я уже слышала его.

Я медленно подняла голову и взглянула на кофейный столик, осветившийся сейчас изумрудным призрачным светом. Вещество в банке булькало и пузырилось, как кипящая вода в кастрюле, а верхний слой плазмы сложился в искривленное лицо с носом картошкой, кончик которого был сильно прижат к сделанной из серебряного стекла стенке. Глава призрака злобно блестели, безгубый рот нетерпеливо жевал и ухмылялся.

– Ты, – сказала я. В горле у меня пересохло так, что я едва могла говорить.

– Не самое любезное обращение, которое я когда-либо слышал, – сказал голос, – но, по крайней мере, точное. Да, это я. Никак не могу этого отрицать.

Я поднялась на ноги, тяжело и часто дыша, торжествуя и ликуя в душе. Все-таки я оказалась права! В банке действительно сидел призрак Третьего типа! В полной мере обладающий сознанием и способный общаться с людьми. Но здесь, в комнате, не было сейчас ни Локвуда, ни Джорджа, а я должна показать, должна каким-то образом доказать им, что это Третий тип. Я двинулась к двери.

– О, не вмешивай ты их в это, – с болезненной интонацией прошептал голос. – Пусть это останется только между нами, между мной и тобой.

Эти слова заставили меня остановиться. В последний раз череп снизошел до разговора со мной семь месяцев назад. Я ничуть не сомневалась, что выйди я сейчас за дверь – и призрак вновь замолчит, замкнется в себе. Я сглотнула, стараясь не прислушиваться к тому, как бешено барабанит сердце.

– Хорошо, – хрипло сказала я, впервые за это время посмотрев прямо в зеленоватое лицо призрака. – Я готова пойти тебе навстречу. Но и ты в таком случае ответь для начала на несколько моих вопросов. Итак, кто ты? Почему ты говоришь со мной?

– Что я такое? – Лицо треснуло, его половинки разошлись в стороны, обнажив привинченный к дну банки коричневатый череп. – Да вот что я такое. Можешь полюбоваться. Между прочим, такая же судьба и тебя ожидает, – прошипел голос.

– Ой, как страшно, – фыркнула я. – Снова пугаешь, как в прошлый раз? Как ты тогда сказал: «Смерть приближается» – так вроде? Ну и что? Я, как видишь, жива, а ты по-прежнему всего лишь пара ложек зеленой светящейся слизи, которая плавает в банке. Грош цена твоим предсказаниям, приятель.

Половинки лица снова сомкнулись – так сдвигаются дверцы лифта. Лицо опять стало целым и укоризненно посмотрело на меня. Этот укоризненный взгляд выглядел очень забавно и гротескно, потому что половинки лица соединились не совсем симметрично.

– Я разочарован, – прошептал призрак. – Ты невнимательно слушала меня. «Смерть в Жизни и Жизнь в Смерти», вот что я сказал. Проблема в том, что ты глупа, Люси. Глупа и слепа. Ты не видишь доказательств моим словам, а они между тем окружают тебя повсюду.

Издали, с кухни, до меня долетел звон посуды. Я облизнула пересохшие губы:

- Не нахожу смысла в твоей дешевой трескучей болтовне.

- Тебе нужно, чтобы я нарисовал картинку? - простонал голос. - Открой свои глаза и уши! Включи свои мозги, девочка! Никто другой этого сделать просто не сможет. К тому же ты одна.

Я трянула головой, чтобы прочистить свои мозги. Попробовала увидеть себя со стороны - вот я стою, руки в бока, и спорю с зеленым лицом в банке. Картина!

- Неправда, - сказала я. - Я не одна. У меня есть друзья.

- Кто? Этот жирный Джордж твой друг? Или обманщик Локвуд? - Лицо сморщилось в усмешке. - О, потрясающе. Какая команда, какая компания!

- Обманщик?.. - До этой минуты в голосе призрака было что-то гипнотизирующее, его невозможно было не слышать, ему трудно было не верить. Но сейчас в нем прозвучало столько злорадства, что я отшатнулась.

- Ну-ну, стоит ли так возмущаться? - прошептал голос. - Локвуд скрытный, лживый мошенник, и ты знаешь, что это так.

Это было так абсурдно, так нелепо, что я рассмеялась.

- Ничего подобного, - возразила я.

- Тогда иди, - раздался шепот. - Вот дверь, она подвешена на петлях. Открой ее.

Так мне и нужно было поступить. Неожиданно я почувствовала, что не могу больше быть одна, наедине с этим убедительно и радостно шепчущим голосом.

Я пересекла комнату. Положила пальцы на дверную ручку.

- Кстати, о дверях. Однажды я видел, как ты стояла на лестничной площадке перед запретной дверью. Тебе до смерти хотелось заглянуть в нее, разве нет?

- Нет... - замерла я на месте.

- Хорошо, что не заглянула. Ни за что оттуда бы живой не вышла.

Мне показалось, что пол покачнулся у меня под ногами.

- Нет, - вновь сказала я. - Нет.

Я обхватила пальцами ручку и начала ее поворачивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Соединительное приспособление, элемент рыболовной снасти.

2

Специальные детали с отверстиями, служащие для соединения труб.

Купити: https://tn.knigapoisk.com/straud_dzhonatan/shepchuschiy-cherep

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)